

st

42

St

42

20

09

ISSN 1295-4918

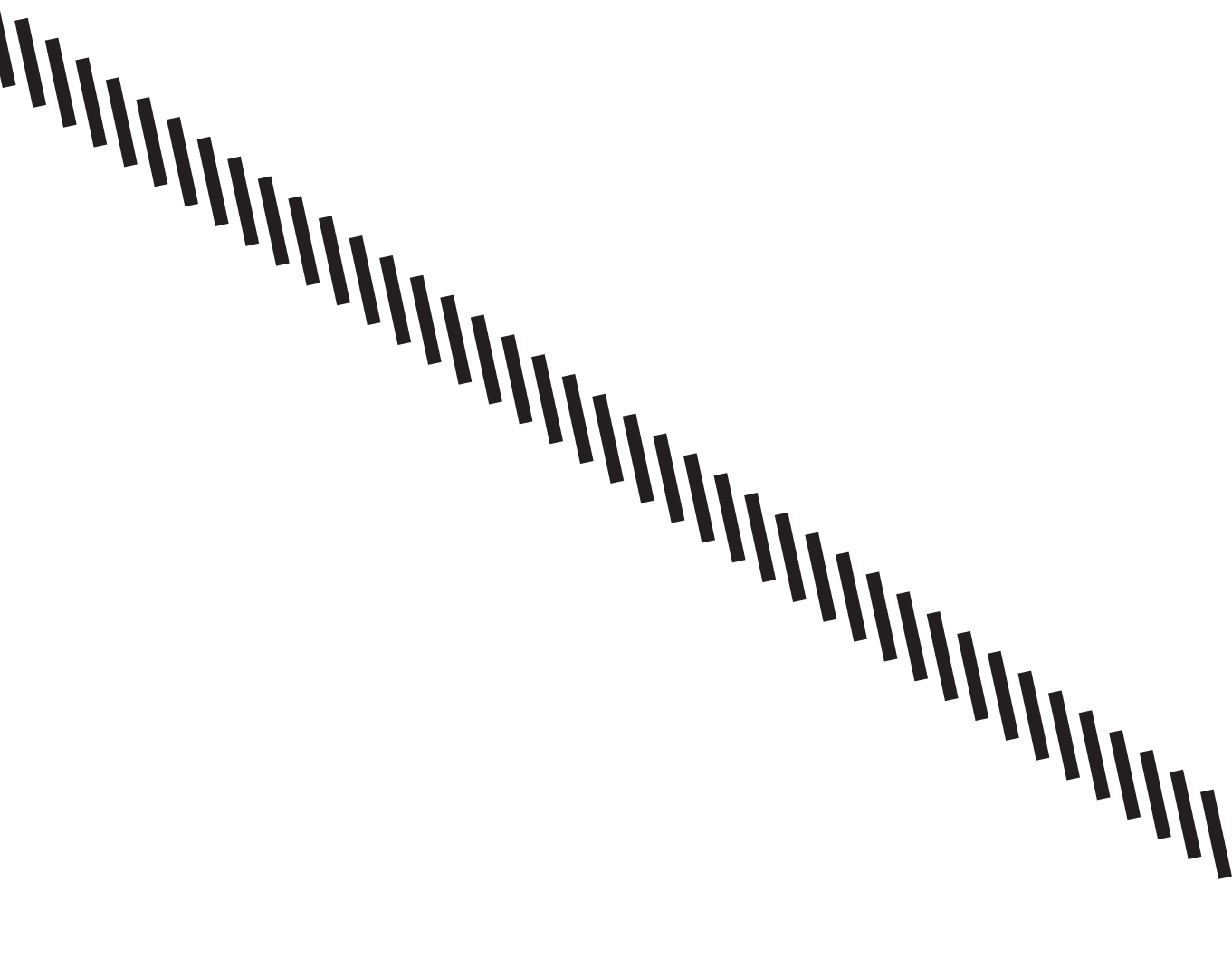
aesthétoscope

SPb

Paris

the last one in paper

Виталий Ашурский

Подборка для «Стетоскопа»

* * *

Родись я шведом – жил бы рядом с морем.
Родись сибиряком – в Сибири б жил.
В песках Аравии – ходил бы в Мекку
на места святые, а главное –
с верблюдом по соседству
ночное созерцал бы небо.

Однако, вот какая штука –
вдали от скандавских скал и волн,
краёв, где в тростнике высоком
однофамилец полосатый мой ведёт охоту,
дню, что ветры жёлтые ласкают –
на свет я появился.

Но велика ли разница, где дом
тому, кому Господь назначил путь,
и растворил в крови щептоку соли
балтийской, и Москвы послевоенной
трамваев звон оставил в дар, и звёзды,
равные глазам невольниц смуглых.

* * *

С севера ветерок
Юный как менестрель
Вплёл меж фламандских строк
Жаворонковую трель

Солью моря полна

В хрупкий парижский апрель
В полдень явилась она
Хриплая будто Брель

В пригородном поезде (RER, линия С)

Он/она входит в вагон
Садится меня напротив
Раскрывает крылья газеты
Пряча лицо свое
За снимками и заголовками
О...

Перед «Gare d'Austerlitz»
Газета превращается в пухлую
Пачку шуршащих листов
И забирается в его/её сумку
Привычно, будто
Всегда жила там

Но теперь-то я знаю
На что похоже его/её
Лицо,
Какого цвета у него/неё
Глаза за стеклами очков,
Какое выражение губ

Он/она встает
И, не взглянув на меня,
Выходит на перрон,
Исчезая среди других
Пассажиров,
Торопящихся или нет

Сейчас другой/другая
Займет место напротив
С газетой,
Книгой
Телефоном,
Плеером

А мне ехать еще двадцать
Минут
Целых двадцать
Как вечность
Особенно
В понедельник

Баллада о шляпе

Птице подобная (птице, лишенной гнезда),
Шляпа летает
И голову ищет, где можно пристроится было б.
Заняты, впрочем, одни, а другие
Так неприлично пострижены, право,
Иль лысы, что нет и желания к ним
Приближаться.
Увы!

И мазолея трибуна пуста, где когда-то
Нашлось бы местечко,
Если для этого даже пришлось бы устроиться,
Скажем, на шляпе чужой, -
Как при Лаврении или Никите
И прочих, что ныне в кремлевской стене,
Или на Ново-Девичьем покоятся тихо
Давно.

Шляпа, – кричат ей насмешливо, - шляпа!
Будто вина её в том, что
Родится такой, и в такую эпоху досталось.
Ах, пожалеем её, ибо дело не в ней,
И не в мастере даже,
А в тех головах
Беспросветных.
О, да.

* * *

Бедная шляпа, проشياпанных лет униженье.
Смятые бант и тулья, и поникшие крылья полей,
Сядь, отдохни на суку умирающей липы,
Или на бронзе поэта под мокрым снежком.

* * *

Что есть страшнее в городе родном,
Чем ощущение незнакомой речи
И жизни, перевернутой вверх дном,
Незримый груз, лежащий на плечи.

Что есть страшнее, чем, найдя свой дом,
Чужую прочитать в нём повесть,
Когда ты человек, а не фантом,
Когда ты жив ещё - не умер, то есть.

* * *

От одного края моего я
До другого
Так близко
И пропасть такая
Лежит

Не могу дотянуться
Никак

* * *

Ботинки, просившие каши,
Да первый портфель мой школьный,
Соседкой Татьяной Фёдоровной
Подаренный,
Нашли меня
Прошлой ночью,
А утром исчезли, как иней.

* * *

Зелёная облупленная краска
Стен и сбитые ступени
Лифта клетка
Лампочка что светит вполнакала
Ящики почтовые звонки
Готовые откликнуться чуть слышным
Шарканьем шагов
Или молчанием
Вопрос же: вы куда или к кому
Бессмысленен
Как муха в паутине
Неужто здесь
Мы целовались

* * *

Вышел на улицу горло сдавило
Не узнать ничего клочковатое
Небо стаей собак беспри-
Зорных последние деревья юности
Как раны зализывает и мусорного ящика
Почта до востребования бомжу
Надорванным пакетом из супермаркета шурша
Вздрагивает на ветру посиневшем

Памятники в этом городе уже набирают
Второе дыхание спортсменов гото-
Вясь к заменам экзаменам пока
Не отправятся на металлолом как цепи
У бронзовых ног Александра Сергеевича
В феврале две тысячи седьмого года от Р.Х.
Когда измывался филолог столичный
Ничто он наше распни

Нерифмующаяся отчизна
Знаю хватит на каждую душу тебя и
Вороньё будет кружить
Над печальной в поцелуях погостов

Лишь веткой осины быть может ещё
Обожжёшь и согреешь что вспомнить
Где струится тихое озеро слов
Невысказанных

Воображаемый музей, зал Богатырева

- Кто это, Миш?
- Кошккомышь.

- А там, что за облако тает?
- Конь, что собакой лает.

- На темно-синий шар?
- Нет, на пожар.

- Разве огонь синь?
- Если не много сил.

- Что же он лижет, Миш?
- Нынче, пожалуй, шиш.

- Надо ль грустить о том?
- Не надо. Лишь в горле ком.

Та осень

1.

Та осень мне сбивала мыслей ход
И, как фотограф, пробуя напаялить
Улыбку для «С приветом из Минвод»,
Или «Московский зоопарк. На память»,
В конце-концов, смешав тепло и наледь,
Отметилась: семидесятый год.

Семидесятый! Надо же, уже
В какой-то растворился он вселенной,
Лишь прошлого потёртое клише,
Подобно Трое с пленницей Еленой,
Иль сказочную девочкой-сиреной,
Проглядывает изредка в душе.

«Не уезжай... не уходи... побудь...», -
Под стон гитары слышится, как будто,
А в законном градуснике ртуть
Всё чаще у нуля под утро,
Но у жандарма неизменна будка,
И вечером и утром та же муть.

2.

Редакционный хаос. Беготня.
Банальности. Сквозь серость - озаренья.
Не в том, что пишешь, для чего, и для
Кого над гранками теряешь вкус и зренья,
Рубя и правя что-то без зазренья,
Но, скажем, в ощущеньи пульса дня.

Больного дня, конечно, только, всё ж,
С надеждою на выписку, при этом,
Что, с ангелом не став по виду схож,
Не зэка он напомним по приметам,
Но пассажира вольного с билетом –
Туда, куда пути не знает ложь.

Увы, в стране, где меньше роз, чем розг,
Где просвещение тлеет, как лучина,
Где Грибоедов, будь он врач, про мозг
Сказать бы мог: неизлечим он,
Согласный в том, не споря о причинах,
Примером взял бы я Литфонд иль МОСХ.

Мои дела... Случалось, впрямь, в ажуре
Сходилось всё: работал и гулял,
И дурака, конечно же, валял
Под пиво, что лилось в Домжуре,
Где лишних слов никто не позволял,
Подслушку чуя в каждом абажуре.

3.

Совет Олеси помня, данный для
Собратьев, что оттачивают мысль,
Не оставлял ни дня без строчки я,
Всё меньше, впрочем, видя в этом смысл.

.....
Та осень открывала мне меня.

* * *

На ничьём языке подков не гнут,
И летать в небесах не учат,
Но какая разница, если пряник, что кнут -
Не лучше.

А пустыни земной познавшему край
И не встретившему в нём лада,
Не твердите, будто, ворота в рай
Не такие же, как у ада.

Круговорот

Процарапанное декабрём,
Прожжённое январём,
Зализывает февраль
И лечат весенние
Март, апрель,
Чтобы в мае, быть может,
Начать всё сначала,
Даже если зима
Далеко.

Открытка без адреса

За всякое я грешен,
За всё гореть в огне:
За горсть твоих черешен,
Протянутую мне.

За осень глаз печальных,
За церковку, где Спас
И свет свечей венчальных
Не ожидали нас.

Ещё, конечно, грешен
За то, что неким днём
Остался не повешен,
Как Франсуа Вийон.

* * *

Не тусклое солнце, но кровоподтёк над Тибетом.
А, впрочем, тебе-то
В апрельском Париже, не всё ли равно, если
Стонет под пыткой буддийский монах,
И китайский сапог наступил на игрушку ребёнка...

Наверное, нет, потому, как на сердце тоскливо,
И снег, что вдруг город весенний накрыл
Своим саваном, право, отнюдь не случаен,
Как будто, и стыдно, и горько ему за огонь
Олимпийский, в Элладе зажженный.

Он – рядом, он тут сквозь кордон полицейский
Мелькает, под свист и презренье людское,
В руках молодого атлета.
Действительно, странен сей факел
Не свет излучающий – мрак.

7 апреля 2008 г.

Селька

Из города

В городе N.
N. выходит из дома
Под привычный кивок сонного дворника
И движется к букве горящего M,
Где зеленых вагонов прямоугольники
Не о чем не мечтая, то есть чисто технически,
Перемещают большие количества
В придуманных кем-то вагоноотсеках
спешащих куда-то сонночеловеков..
Натыканных в них, как селедки в бочки
И вот этот N доезжает до точки
А или В ...

А дальше выходит и путь продолжает
И сердца хронометр отображает
Среднюю скорость пешеходного следования:
5 км/час.
О, этот час, эти 5 километров
Сколько вопросов, не зная ответа
Стучат в такт шагам и рвутся наружу
В прокуренном горле в январскую стужу

N ловит тот час - этот час очень важен
Для задачи решения и понимания
Ведь он мог бы стать часом переживания,
Встречи, расплаты и расставания..
И вот время пути в расстояние вложено
И весь день впереди на года перемноженный
Он в работе оставит свои килоджоули -
Неизвестный поэт, неизвестный прохожий
Тот прохожий которому вечно неясен
этот день непогожий той песенки детской
Голубых вертолетов, бороздящих пространство
День прошел как всегда. Сердцу не в чем согреться

И опять проходя мимо запаха кофе
И достанет измятый прямоугольник
И жестом привычным откроет, а там -
Та, что день весь берег, та что дня есть финал:
Одна сигарета в пачке.

О, это кофе, и сигарета,
И все те же вопросы, увы, без ответа
Стучатся в виски, пробирая по коже
И рвут на куски, и никто не поможет
А дни, возводясь в степень скорости света,
Терзают в бреду и в хмелю до рассвета
Ну, математика, физика, где ты?
В формулы жизни воткните поэта!

На вагоне метро, уходящего в вечность,
Не прочесть ничего - лишь знак: бесконечность

Дорога

Скорость поезда уносит мои мысли.
В темноте деревья караулят дорогу.
И дождливый август висит коромыслом,
Укрывая тучей ночную тревогу.

Я, наверно, неправильно сделала, что все бросила.
Я, наверно, плохо сделала, что уехала.
Но а там обо мне кто-то спросит ли?
А помянет ли плачем ли, смехом ли?

Я, скорей всего, просто струсила. Перед временем.
Уступила ему, Доктору, все лечение.
И доверила родовое свое имение -
На хранение оставила. На прощение.

Так прости же и сохрани меня, Господи!
Да наставь меня, грешную, на путь истинный!
Отведи беду от меня в этой осени,
Запорошь мое прошлое ее листьями....

Михаил Богатырев

Лестница

(В.Тимофеев, Нью-Йорк, рисунки и чертежи)

ПРОЧЕРКИ (режиссура и пунктуация)

Я площадь вымысла глазами
Обмерял. Взяв размер попроще,
Прочел слова: ВЫ ЭТО САМИ
СКАЗАЛИ (прочерк) ЭТО (прочерк).

ПОДЪЕЗД и ДОМ, - шептали тени.
Евгений скромным пешеходом
Вошел, качаясь как растенье,
И - вверх, по лестничным пролетам!

ВЫ ЭТО САМИ. ЭТО (прочерк)
СКАЗАЛИ... ВЫСКАЗАЛИ, ТО ЕСТЬ...
А там - ряды каких-то точек.
Года и дни теряют голос.

А там, в космических абзацах,
Качались выпретенные дамы...
“Я Вам позволила касаться...”
“Евгений, помните, когда мы...”

ВЫ ЭТО САМИ (снова прочерк).
И вновь обмеряны глазами
Слова... Ряды каких-то точек.
И вновь слова ВЫ ЭТО САМИ

ВЫВОЛОЧКА (брутальное отражение трёх крас- НЫХ)

На наволочку опустилось лицо.
Причмокивает:
“Кто я?” “Где я?”
Слепец языка.
Мамилярное тело.
Полчища жевательных движений.
Бастионы зубов.
Несовпадающий прикус.
Галактика молчаливого рта.

КАРТОГРАФИЯ: я улетаю вдаль по улицам

Я улетаю вдаль по улицам железных городов
И слышу сдавленное пение электропроводов,
И обнимаю взглядом землю, и смотрю, как из земли
Всё выплывают серебристые цветные корабли.

И карандаш скрипит как прадед на подземных стапелях,
Он чертит область горизонта, где кончается земля,
За мотылями и жуками не охотится никто,
Никто не знает, где граница государства Лесото

АРХИМЕД

Не по-хрустальному исполнен гимн тепла
На счётных палочках забвения и зуда.
И - знак беспалости на плоскости стекла.
И - густолиственное требование чуда.
О, эта немощная вспльчивость реторт!
Душа выскальзывает из лабораторий,
И Архимед из-под весла ей дышит в борт
Меж уменьшительным стеклом и Лабрадором

МОДЕЛЬ ПЕЙЗАЖА (воспоминание о раннем периоде творчества П.)

Сверстав со всех стропил твердынь,
Сквозняк в портняжную иглу выл.
И гнали с пригоршень воды
дегтярный скрип вороны клювы.
И оцарапана врасчес
Краями, ставнями, оградой
Всем флюгерам наперечет

Скользит поддевка звукоряда.
Скользит - и хочется висеть
В воде, как снасть для рыбной ловли,
Врасплох целовывая все
Бирюльки ливня с линий кровли.
Или на нитях паутин
От облизнувшихся шелковиц
Воспрянуть, крикнуть: полетим!
И - промокнуть дожди щекою.

ДОМ НА ОБОЧИНЕ

Дом на обочине. Голубое
Крыльцо, две веранды и выход в подвал.
Ты видишь крепежные инструменты, прохожий?
После обеда строители сменят крышу.

МЕЖДУ СОБАКОЙ И ВОЛКОМ

Отчеркнули ноготком
Общежития, отели.
Словно кто махнул платком --
Птицы по небу летели.

Закружились сны в слезах
На оси воспоминаний.
Полудетская гроза
Нас всю ночь куда-то манит.

Разливаются слова
Словно горький сок алоэ,
И больная голова
Не даёт ногам покоя.

Всё ма(нь)ячит пешеход
На безлюдном перекрёстке.
Расщепляется народ
На мужи и на подростки.

И -- луною озарён --
Поднимается из мрака
Промежуток, перегон
Между волком и собакой.

ПЕТРОВИЧ (Ошибка резидента)

Заправлены стёкла в оконную раму. Двухмиллиметровый
Заделан зазор. Пластилином прихвачены щели.
Петрович проснулся. Лицо его стало багровым.
Он понял, что влип, оказался в невыгодном деле.

С приборной доски накануне исчезли бесследно
Корректор шумов и латинская клавиатура.
Окно разбивалось два раза: во вторник и в среду.
В субботу Петровича вызвали в комендатуру.

Полковник кричал, он грозился спустить волкодава.
Противник узнал позывные подпольных радистов.
Петрович был вежлив, Петрович сказал: “Вы не правы”.
“Ах так? Ну смотри, чтобы в пятницу было всё чисто”.

Настроив антенну, в коленях зажав трансформатор,
Дождавшись, когда успокоятся люди и тени,
Петрович свой мозг отдаёт напрокат, как транслятор,
Участник Второго Всемирного Сопротивленья.

ЗАСТАВКА К БЕЗЫМЯННОМУ ДЕЙСТВИЮ

Глубь
На подоконнике
Танцует джигу.

Держи книгу,
Гусар гугнивый!

Не удержал,
И книга полетела вниз,
Выщёлкивая шелесты из карниЗов.

Смнева...
Что смыслы камней не валят.
Кого-то где-то кто-то похвалит.
И сам (не сделаю), и вам (не дам).
Глубь в Сизифа играет там.

Синева
С-с, Нева.
Иней на сгибах ванной.

Это я вычерпываю слова
Из книжицы безымянной.

19.09.07

Александр Моцар

Лесе Синиченко

1

Лицо сморщилось и выдавило слезу.
Смахнула на землю комочек боли.
Земля все примет. Земля принимает форму ту..
Короче – форму ладони.
Форму горсти воды или горсти зерна,
Руки протянутой за подаванием.
Ты не понимала, почему беда.
Или делала вид, что не понимала.
Ты разучивала песни птиц.
Молчание березовых сумерек.
Ты не понимала, почему слеза на реснице.
Или делала вид, что понимала совсем другое.

2

Губы змеей изогнула
Бросила – «Да» – как перчатку на стол, скомкав.
Ночь по щеке – писцовым серебряным мехом.
Снег в свете фар – косым библейским потопом.

3

Ты гуляешь по крышам вприпрыжку как дождь
в мае. Утро – полынною горечью
тает. Утро тает леденцом мятным на сдачу.
Слушаешь птиц. И как поезд везет людей на дачу.
Утро – капля тяжелой росы. Зрачок мира.
Отразилось мгновенье пчелой. Жалит ладони ребенка крапива.
Ты гуляешь по крыше дождем, вспоминая огромное детство.
Ветер к югу ведет облака, как пастух овец
на луга заливные. Под козырьком ладони –
напрягаешь свой взгляд. Ты видишь все, кроме...

- «клу» - сказала Глуу
и стала дорогой на север –
перьями птицы летящей на север
- «флу» - сказала – «флау» - ответила –
перебивая друг друга птицы кричат
по дороге домой
- «хгрых...гм» - чихнуло ружье –
перья посыпались с неба...

и по прозрачному как ветер
стекает лебедь
каплей молока

Андрею Полякову

Октябрь. Будильник. Понедельник.
Взгляд скальпелем рассек туман
На золотом крыльце сидели
Матфей Лука Марк Иоанн

Вот так отчетливо и близко
В обыкновенный понедельник
Увидел как Евангелисты
На золотом крыльце сидели

Сидели на крыльце они
(На золотом словно монета)
Былые вспоминая дни
Закусывали чай конфетами

Зеленый чай в пиале белой
Сверкал нефритовым Китаем
Октябрь. Утро. Понедельник
Обыкновенней не бывает

Даниле Барбашу

Хорошо пройти под пальмой
В океан зайти по грудь
И поплыть куда ни будь
На большое расстояние

Хорошо лежать монетой
В сундуке среди алмазов
Пузырьки пуская смехом
В щель смотреть на водолазов

Хорошее поплыть налево
А потом свернуть направо
От Сардинии к Палермо

Передумать и в Панаму

Плыть. Игрой на барабане
По пути сзывать таких же
Иногда сбиваться в стаи
Слухи порождать смешные

Так же очень хорошо
Даже очень хорошо
Животом лечь на песок
Прочитав такой стишок

Сегодня и не раньше
И не секундой позже
Под барабан и флейту
Под шутки и угрозы
Под дождичком в четверг
Подымим как бокалы
За здоровье юбиляра
Таинственные взгляды
На звездное ночное

Нечетким силуэтом
Форель к земле метнется
Хвостом сбивая звезды
Загадывай желание
Скорей

Стоп стоп стоп
Снимаем заново
Старый питерский двор
Расписан матами
Жестяной мухомор
Площадку детскую
Крупным планом берем
Шаги по лестнице
(за кадром)

Чиркнула зажигалка
Кокарда солнца
Но еще не жарко
Двое курят
Глоток Джин-тоника
Они братья
Зовут их
Родион и Раскольников
Лица не по погоде
Хмурые как понедельники
Один по-прежнему Родя
У другого идея
Эпизодом старуха
Неврастения молитвы
Короче опять бытовуха

Титры

В.Г.

Ветер книгу листает
Хлопанье птичьих крыльев
Слышу сквозь сон

Красивая как перстень
Качнулась на ветке птица
На птице наряды из перьев
И рубины в глазницах

В ограненных рубинах
Отражались синхронно
Золотые крупинки
Пояса Ориона

Это конечно ветер
Несется по полю будто
Рыжий ирландский сеттер
Месяц бесстрастным Буддой

Над древней пагодой леса
Северной волчьей стаей
Строгие как месса
Облака пролетают

И в предрассветной дымке
Бежевые небеса
Тихо ползет улитка
Вверх по строке Исса

Край земли из окна
Краем глаза на время
Кран отстукивал время – капля за каплей
Жара. Понедельник.
На работу пора.
Хлопнув дверью
Вниз по лестнице. Снова
Провалился в троллейбус как в сон Никанора Босого
Позабывтый актер Куролесов.

Значит снова играть
(Не Шопена в камерном зале)
Пальцы чешут клавиатуру
Как львиную гриву свою бомж на вокзале.
icq застучала пульсом загнанного марафонца
«Привет. Как дела» «Нормально»
Смайлик. Ссылка на bash.org. Солнце
Рекламирует пиво. За пивом.
За разговором. За столиком в местном кафе

Пьем за встречу.
Вечер резко задернул окно
Звездным небом. В конечном
Счете день прошел не впустую
А впрочем, черт с ним, с этим днем
И со всеми дневными делами
С этим мороком глупых проблем
Трепом убогим на местные темы
Брехней. Засыпаю.
Под зуд комариный рекламы
Прямо в одежде
На окраине времени
На окраине спящей земли
Между...

Горлышком об стекло
Звякну бессмысленной высю
А на mail.ru строка
У вас нет новых писем

Это значит «кролик издох»
Значит «грузите апельсины бочками»
Исписанный знакомым подчеркиком Arial листок
Не прейдет по электронной почте

А придет что ни будь такое
Гадкое как настроение
В фильме Антониони
«Кадр с увеличением»

Предчувствием запоя
В компании местных алкоголиков
Что-то совсем чужое
Спам или наподобие.

Кот

Бог завел блог
Кот завел блох
Блаженны нищие духом
Бог записал
Кот почесал за ухом

Бог посмотрел в окно
Снег – решил про себя
Все равно
Через неделю зима

Все равно
Думал кот апатично
Жизнь – говно

Как «Код Да Винчи»

Бог посмотрел на кота
Улыбнулся такому пассажиру
М-да
Кот а туда же

Кот посмотрел снизу вверх
Посмотрел снизу вверх кот
На нем был рыжий мех
Шел ему третий год

Третий из девяти
Что отпустил ему Бог
Как майку на груди
Его разорвет дог

Щегол

У вас TV,
У вас зевота.
У меня летает в голове щегол.
щекотно,
Если череп чиркнет крылом.

Нос деревянной дудкою,
Лоб красный как помада.

А если о щеглихе подумаю,
Через час
из глаз посыплются щеглята.

Официант

Румяный как конец недели
Красивый словно карнавал
На нем ботиночки сидели
Как ласточки на проводах
Он пивом наполнял бокал
И приносил бокал нам молча
И за спиною рожи корчил
Нам
Он был не очень бородатый
То есть не так как Солженицын
На своем поле он играл
Намного лучше чем бразильцы
Он к пиву предлагал креветок
И мы не в силах отказать
Давали нужные ответы
Ему вручали ассигнации
Ассенизатор кошельков
Гордился он своим призваньем
Порхал красивым мотыльком
По зданию

Я знаю. Ты конечно знаешь
тоже. И знает та. И знает эта
с лицом матрешки. То что дальше
будет. Как будто смотрим киноленту.
Которую сто раз смотрели.
Которую сто раз увидим еще
не меньше. Запотели
очки на ком-то. Видит счет.
В карманах роется. Бумажник
Он ищет и его находит.
И выворачивает мрачно
на стол все.
Официант уходит.

Владимир Шуров

Стихи

БЛОК И КОК

Смог лег в лог.
Грог тек в рог.
Ток влек в слог
Бог строк Блок.

Кок пек бок.
Дог сжег клок!
Шок. Скок вбок.
Слег. Рок строг.

СОН

Мне снился сон: меня в печали
от церкви братья отлучали.

В каком-то чёрном облаченье
я сам молил об отлученье.

И, хмуро глядя на распятыя,
просил не милости — проклятыя.

А после плакал. Молча. Горько.
Ведь было выстрадано столько!

Потом — за посох. И — в дорогу.
Мой путь был труден, слава Богу..

ДУХ ОХА

1

Я летел к тебе в ночь, Оха!
Рядом чукча чесал меха.
Местный идол — шаман и бог —
упирался мне локтем в бок.
Ну, куда меня понесло —
расстояньям седым назло —
сквозь туман, как кефир густой,
по-над вечною мерзлотой?
Самолёт чуть летел, ленив.
Там, внизу, где-то был пролив,
за которым — мой Сахалин,
словно вынырнувший дельфин...
Проклевав от ноля до двух,
я уснул.
Мне приснился Дух...
И на туче — как из свинца —
отпечаток его лица...

2

Я влюбился в тебя, Оха!
В голубые твои снега,
в красоту невысоких гор,
в необычный сквозной простор.
Я у свахи здесь жил, как пан.
Обходил каждый день Кайган.
И, взобравшись на сопку, всласть
материл несвятую власть...
Здесь могилы пустых идей.
Нефтепромыслы — без людей,
ветры вольные — без оков,
разговоры — «без дураков».
Сам себя я не узнавал.
Все вещички — пораздавал,
старожилам стихи дарил,
сокровенное говорил...
...Глядя ночью в лицо стиха,
понял я, что мой дух — Оха.
И уж если погряз в грехе,
значит просто — застрял в Охе.

* * *

На Чингае и на Чамге
мы штурмуем птичий гам.
Ветки тянут нас, как лямки,
прицепляясь по бокам!

Наша старая машина
на камнях и пнях ревёт.
И, заправленная джином,
переходит речки вброд.

Здравствуй, птичий чудо-остров,

изумрудно-голубой!
Через день нашли мы остов
углой лодочки с резьбой.

Отскребли и разглядели.
Разглядели — обомлели:
это нивхов бирюза!
Округляются глаза...

По порожистой Грязнухе,
не жалея рук и спин,
по вертлявой Очепухе
мы скользим, как будто духи, —
изучаем Сахалин...

ОПАЛЬНОЕ СОЛНЦЕ

Простив нечестивцам их мету,
неправый безжалостный суд,
опальные люди по свету
опальное солнце несут.

Откуда бы ни были родом,
сюртук ли на них, иль мундир,
они разделяют с народом
работу любую и пир.

Я чувствую это и вижу:
волнуя музыкою сход,
они приближают к Парижу
Читу и Петровский Завод.

Я вижу и чувствую это:
в другие лихие года
от них наполняется светом
седого Урала гряда.

И верно от них, не иначе
(ты истине этой внемли),
все месторожденья удачи
и клады души и Земли.

И вот уже крестится старче,
держа на ладони пирит..
Должно быть, чем ниже — тем ярче
опальное солнце горит.

Судьбой подтверждая примету,
как самый священный сосуд,
опальные люди по свету
опальное солнце несут.

* * *

Ночами бесподобными
был дом наш, как вертеп.
А губы были теплыми
и мягкими как хлеб.

В разлуке жить не думали
и нескольких минут.
Когда же ветры дунули —
в любви нашли приют.

Бросает мне попутчица:
руками не балуй!
А губы, как получится,
бросает в поцелуй...

Судьба моя — проказница,
награда и вина.
Какая, к черту, разница —
какие времена...

КЕНГУРУ

Ты ласкалась ко мне, как всегда, поутру,
и был смех твой прозрачен и звонок..
И скакал по обоям твоим кенгуру —
молодой кенгуру, кенгурёнок.

Восемь месяцев жили мы, как короли,
по два дня не вставали с постели..
И любили друг друга, как только могли.
И над нами архангелы пели.

Жаркий шёпот над ухом: «Сейчас я умру,
у кого подзанять бы силёнок?..»
А меня по Австралии нёс кенгуру —
молодой кенгуру, кенгурёнок..

И зачем мы расстались, так пылко любя?
Переменчивы судьбы людские.
Если в городе том не найти мне тебя,
то, хотя бы, — обои такие...

Александр Оперетянский
Мексты

2004 - 2005 лг.

Пусть будет у меня не чёрный глаз даже
А чёрное глазище
Чтоб облеченный властью человек
Боль испытал
Боль продолжительную боль
Боль испытал испытывал бы боль
Боль день за днем
Одну и ту же боль
Тупую ноющую боль

4. 30.05

[заумь]

идиёт идиОт и.о.идиота
швайн свинья освобождает
труд подонков пруд
пруды капут работа

4.01-2 мая.05

Ю.П.
я ему зла не желаю
я его знать не хочу

04.

одинокая ромашка
на подстриженном газоне

не скучает

88-04

все дорого
время – в первую очередь

ВСЁ дорожает

3.05.

на грани бритвы –
понимать подтекст

4.05.

у Даена шагрeneвая кожа
отсюда весь его запал и эпатаж

9.04.

Ю.С.
всенасрапрощенец

3.05.

я им не верю
верят ли они мне
значенья не имеет
я им не тот
они мне не такие

из-за чего же собственно сыр-бор?
из-за того что постоянно лезут в душу

апрель 2005.

Деланная неделанность
Деланная так и не сделанная деланность
Легкое раздражение
Слабое головокружение
Сладковатое с привкусом миндаля подташнивание
Симптомы надвигающейся грозы
Встать бы. Попрощаться. Уйти. Нет возможности.
Пропускаю за тостом тост
Считаю минуты
В гостях

-- 5.05

(прозрение)

как видно
здорово я
где-то кому-то
в прошлой жизни
насолил

1.04.

У дурака нет права на ошибку
Дурак – на то он и дурак
Чтоб на ошибках
Умного учиться

7.04

Идиот на идиоте
Идиотом погоняет

Было б меньше идиотов
Скучно было б жить на свете

Остается непонятным
Почему нас раздражают
Идиоты идиоты
Идиоты всех мастей

9.99.-10.05

пять блоков еду
на зеленый свет никто

34

не пере(шел)бежал дорогу

случаются в Нью-Йорке чудеса

6. 2004.

1.

Там где росла
Высокая трава
Лежит теперь
Ковром пушистым
Земляника

2.

Отошла земляника уже
и когда она только успела

6. 2004.

Эти люди устали
Домашними стали
Ручными
С рук еду берут
Преданно служат во благо
Живота своего

Эти люди

1974.

Эти люди
Они не устали –
Застряли
Отстали
Плетутся в обозе
Пре-исполненные
Собственной значимости

Достоевского «Бедные люди»
Куда интереснее

8. 2004.

жаль копытных
не парно
не порно
покорно

9. 2004.

По грибы поехал
Душу лечить

8. 2005.

Д.Я.
Приехал бы ты в гости –
Я б встал из-за стола

11. 2005.

The "ballerina dance" is one of at least six distinct moves in the repertoire of Carola's parotia, which has the most complex courting ritual in the bird of paradise family. Females scrutinize his act from above.

JANETTE CAROLAN

каждому

свое

Давид Ураер-
Петров

Что направлению
к морю (стихи 2004
года)

Звонок из редакции

- Стихи идут в номер!

Идут, идут.

Стихи идут в номер?

Идут, идут.

Идут, идут, идут,

Идут стихи в номер.

Раствор идет в вену!

Идет, идет.

Раствор идет в вену?

Идет, идет.

Идет, идет, идет,

Идет раствор в вену.

Любовь идет в сердце!

Идет, идет.

Любовь идет в сердце?

Идет, идет.

Идет, идет, идет,

Идет любовь в сердце.

Трамвай идет к морю!
Идет, идет.
Трамвай идет к морю?
Идет, идет.
Идет, идет, идет,
Идет трамвай к морю.

Идет, идет время!
Идет, идет.
Идет, идет время!
Идет, идет.
Идет, идет, идет,
Идет, идет время.

На табурете в баре

Ощутить себя на табурете,
В центре бара
Касательно круга,
По которому ходит бармен
Сооружая коктейли.

Ощутить себя частью сообщества
Случайных пришельцев
И постоянных,
Тебе безразличных.
Хотя неотвязна потребность
Себя ощутить.

Ты пытаешься заговорить
С барменом. Он занят
Протиранием стаканов,
Смешиванием алкоголей,
Игрой на компьютере,
Который показывает
Счет за выпивку.

Остается экран телевизора
Напротив тебя, в углу.

Там бейсбол.
Там битой шибают тяжелый мяч.
Там бегут, кто скорей через поле.
Там пятнают мячом.
Там ловят.
Там - лапта, повзрослевшая сразу на целую жизнь.
Лапта, переплывшая океан,
Обменявшая дворик московский
На бостонский бар.

Февраль в Новой Англии

Февраль лихорадит.
Машина в поту -

Стороннем слиянии
С преисподней.

Я ненароком
В местном порту.
Надпись на судне
Прилипчивей сводни.

Кинуть машину,
Взять билет
На самый, что ни на есть кругосвет!
Забраться в кают
Глухоту
И — каюк!

Забуть принадлежность свою к февралю.
К тому, что чернилами плачет в Москве,
К тому, что глаза мои прячет в тоске,
Забуть и уплыть.
И последнюю нить,
Как рифму от сердца отсоединить.

Как рифму, капельницу, прервать перестук,
Как воздух последний, когда нам каюк,
Постылый пустынный простынный ритм,
В котором спасение бритвы горит,
В котором последний билет в никуда,
Где кровь разбавляет морская вода.

Из Кавафи

Брожу из угла в угол.
Сколько углов, комнат?
Трогаю книги на полках,
Многие книги до сих пор

Говорят из дальних лет,
Как будто бы живы
Души друзей-поэтов,
А тела заморожены в космосе,
Чтобы не перерождаться
Не исчезать во времени,
Чтобы остаться такими,
Как были в мои
Молодые годы.

Из угла в угол брожу,
Трогаю кресла и рамы картин,
Нажимаю на клавиши компьютера,
Вызываю
Собеседника.

Если
Напечатать письмо
И положить в морозильник

Памяти
Произойдет
То же самое, что с надписями на книгах,
С фотоальбомами -
Хранилищами
Мгновений жизни, жизней, животрепетаний.

Перебираю фотографии.
Вот мама в возрасте моего сына,
Вот отец, вот бабушка, дед, дядя, тетки, кузены, кузины.

Оказывается можно всех обогнать в марафоне жизни,
Стать самым старым в семье,
Самым сутулым,
Самым разбитым,
Самым скрипучим,
Как венский стул
С вензелем спинки.

Можно заказать трехмерное фото
Твое и мое
И поставить
Твое и мое
Два трехмерных фото времен Черного моря,
Времен винограда и кукурузных початков,
Ослика,
Наглых парней
Из приморского парка.

Можно представить себе и тебе, и всему
Городу можно представить себе,
Как возгордятся горожане
Нашим вторым пришествием
Хотя бы в виде трехмерных
Улыбок и прочих движений.

Как удивятся
Нашим трехмерным, которые
Мирно стоят посредине
Веранды, тихо беседуют
В то время, как я брожу
Из угла в угол,
Перебираю книги друзей
Говоривших мне слова
Неистребимой дружбы,
Непритворной правды,
Непреходящей надежды,

Которые в конце концов
Оказались ровесниками
Наших трехмерных фото.

Еще из Кавафи

Тело помнит не только, как страстно его любили,

не только ложе любви,
не только обнаженную жажду любви,
которая следует каждому взгляду
возлюбленных и каждой ноте любовного крика...

Тело следует прежним маршрутам,
Предварившим последнюю радость еще
И последнее горе уже.

Но и эта бездна, которая нас разделила,
Переполнена снами о воспоминаниях или
Воспоминаниями снов.
Было ли все с той же самой,
Которой тело не может забыть
Мое тело?
И постель, уплывшую в реки, проливы, моря
Многократно оставленных стран, городов, квартир,
Не отпускает /Память.

То же ль самое тело, помнишь, резвилось и пело,
Когда руки мои царапали
Проволочины решетки,
Разделявшей пространство моей свободы
И твоего заключения в гетто условностей?

О, я схожу с ума!
Я не могу разглядеть
В дальних морях, в хороводе квартир, в скачке такси,
Я не могу своей остывающей памятью разглядеть,
Амфору тела возлюбленной и цветы ее глаз, листья волос,
Ниспадавших на теплую глину, которую изваяли,
Чтобы ты сохранилась в памяти о бесконечной любви.

Желание любви

Пронзая желанием сферу твоих
Глаз, повторяющих сферу земли,
Падаю, падаю, падаю в стих
Чтобы цветы желаний цвели.

Оглаживая амфору твоего
Тела, повторяющего амфор изгиб,
Пробую плавность моего стиха,
Его законченность, твердость, строй.

Погружаясь в сердцевину твоей души,
Вместившей вселенской материи суть,
Постигаю многомерность моего стиха,
Его способность вместить Божество.

Утирая слезы с твоих глаз,
Бормоча жалелок ребяческих вздор,
Желаю только одного - твоей
Оставленной мне одному любви.

Соломон Новосельцев

Чугунные пики зимнего парка.
Снег закрывает окна до пят.
Плетет деревенская нянька, как Парка
Шарф, варежки, всяческий зимний наряд.

Каждый укол чугуна в забытый
Снегом питерский горизонт
Обозначает за снежной орбитой
Плещущийся дельфинами Эвксинский понт.

Древняя родина Соломона.
Снежная родина няньки его.
Как вам поладить без свары и стога?
Жить—то осталось всего—ничего:

Парка решетки — метафора года
Тридцать седьмого. Блокада. Война.
Школа. Оттепели свобода.
Вязкие брежневские времена.

Гетто «отказа». Римских каникул
Самоирония нищенских дней.
И американских калигул
Гостеприимный елей.

Все предназначено Соломону
В шифре вязальных нянькиных спиц:
Полускольжение по льдистому склону,
Полувхождение в жизненный блиц.

Продвижение в американской
Биржей взвинчиваемой толпе.
И временами тоски эмигрантской
Лед, охлаждающий всякий успех.

Все предназначено в няниных спицах,
Все в утрашеньи чугунных пик,
Не растерял он в странах и лицах
Ясный поэта российского лик,

Снегом умытый, в ограде возвращенный,
Торивший в жизни свою тропу,
Пиками страшными не утращенный,
И любивший, как сын, толпу.

Внутренняя эмиграция

Максиму

Вот они мои горы, джунгли, прерии.
Все - на белом листе.
С пережатой главной артерией
Выживают лишь те,

Кто способен к воображению,
Неугнетенной мысли движению,
К аберрации буйств, к абстракции,
К внутренней эмиграции.

Мы с тобою такие. Можем зажаться,
Замолчать на десять, сто лет.
Смысл не в том, чтобы умножаться,
Важен неповторимый след.

Мы сожмемся, окуклимся, станем спорами,
Чтобы выдержать космоса вечный гнет.
Перелетим над земными спорами.
Слышишь, метеорит поет?

Это наш корабль эмигрантский,
Загружай тетрадей черновики.
Мы с тобой познаем вселенское братство,
Да без России писать не с руки.

Снег в Новой Англии

Миле

Снег скрипит под моими подошвами
Пятна желтые пахнут пивком.
В ногу тычется белка подошшая.
Я ее отбиваю пинком.

Все обрыдло, осточертело.
Некому слово родное сказать.
И больное, усталое тело
Трудно с глаз посторонних убрать.

О, родная, как это нелепо:
Пробиваясь годами с тобой
Из вонючего мертвого склепа,
Приползти в опустевший забой.

Никому не нужны мы, родная,
Да и нету вокруг ни души.
Только в небе вороньего грая
Похоронная нога страшит.

Так зачем этот снег ненадежный,
Опаганенный местным зверьем?
Словно счет подытожный платежный
За маршрут, что прошли мы вдвоем.

Американское кладбище

Гуляя меж могил на кладбище старинном
Я что-то уловил в послании недлинном:
“Прощай, моя Россия, навсегда.
Тебя я не увижу никогда”.

Гранитный памятник звездой шестиконечной
Был осенен. Покой оберегая вечный
Береза старая в белесой бересте,
Как в талесе молитвенном стояла

Внутри ограды. Птица ликовала
Весенняя, внимая на кресте
Моим этнографическим находкам.
Я обратился мыслью к погодкам:

Один был из России иудей,
Другой приплыл из Англии своей.
Так почему, гонимый и несправный
Мой соплеменник свой последний, главный

Привет к стране рожденья обращал?
Ужели, умирая, завещал
Мне эту связь духовную продолжить,
Чтоб передал ее все дальше, дольше,

Чтобы диковинный и несуразный плод
Любви и ненависти, языка и сердца
Родил в стране приобретенной скерцо,
Которое и плачет и поет.

Расщелина света

Когда моя мысль блуждает в тумане,
Пытаясь найти расщелину света,
Приди, помоги мне увидеть в тюльпане
Метафору мая, богиню привета.

Когда я наощупь читаю Гомера,
Пытаясь постигнуть слепые эпохи,
Верни мне ребяческую веру,
Мудрость открой старика и пройдохи.

Когда я проглатываю провалы,
Как водку дурную глотает мальчишка,
Возьми моих мученичеств алые каллы,
И спрячь на груди, как бумажник — воришка.

Когда в окруженьи пирующих братьев
Я буду захвален, как рыжий Иосиф,
У всех на виду свое тело из платьев
Условностей вызволь, насмешку бросив.

Чтоб вздыбились, оторвались от чанов
Пивных и от винных мехов поотлипли,
А мы уже скрылись в барханах песчаных,
Чтоб братские глотки от злобы охрипли.

Март опять в Москве

Из шкафа достать дождевые плащи.
Накрапывает

Подмораживает.
Тает.
Ты, дорогая, тоже прочти,
Надпись, которую я почти
Прочесть опоздал в пролетающей стае.

В последний момент по рисунку хвостов,
По абрису крыл, по ликующим крикам,
По радужной вздыбленности мостов,
По наглой веселости Криков и Бриков

Я опознал эту стаю-весну.
В бронзовеющем московском закате,
Чтобы - каждому по веслу,
И - мчаться за стаей - дорогою скатерть!

О, дорогая, это любовь
Птицы пророчат римской пятеркой.
И громовой, грозовой, лобовой,
Сферу околземную поторкав,
Март возвращают нам вновь и вновь.

Да, подмораживает.
Да, скользим.
Да, падаем на тротуары,
Чтоб глухоту эмигрантских зим
Вздыбить в крыл и сердец удары.

Любовь, ну конечно, это она
На крыльях птиц прилетает в март
Московский, неясный, когда весна
Поет у зимы в подворотне, как бард.

Предпоследний вагон

Басом поет негрityанка,
Ритм задает контрабас.
Жизнь моя, девка-беглянка,
Ты не печалься за нас.

Нынче хорошее время.
Горести позабыв,
Нам негрityанское племя
Шлет первородный мотив.

Лихо поет негрityанка,
Вторит ей саксофон.
Жизнь моя, американка,
Мой предпоследний вагон.

В этот вагон музыкальный
Куплен плацкартный билет.
В этом вагоне прощальном
Нам закатали банкет.

Грудью трясет негритянка,
Ритм задает контрабас.
Жизнь моя, девка-беглянка,
Ты не печалься за нас.

Мы погудим-погуляем,
Даже споем в микрофон.
Ну, а потом пошагаем
В самый последний вагон.

Там музыканты в ермолках
Будут на скрипках играть.
Аккордеон без умолку
Будет мотив повторять,

Очень веселый мотивчик,
Чтобы забыл я, как сон,
Чтобы забыл я, счастливчик
Мой предпоследний вагон.

Весенняя труба

Труба завывает в соседнем доме.
На сердце весна и любовь.
Но ты мне скажи, почему, почему
В закате увидела кровь?

Послушай! Труба вырисовывать блюз
Взялась на закатном листе,
Но ты мне скажи, почему я боюсь
Поверить твоей красоте?

Труба заливается за стеной
Коттеджа, в котором живет
Не то домовой, не то водяной,
Лихой музыкальный народ.

У них на двоих, или на пятерых
Камина большая труба.
Читают под музыку старенький стих,
Исхоженный, как тропа.

Как будто бы не было строчек других,
Чтоб музыку эту играть
На всех пятерых или, может, двоих,
И стих на ладонях катать.

Здесь тайна какая—то, магия, что ль,
Так спаян с мелодией стих,
Что каждую клеточкой всякий бемоль
Любовью стращает, как псих.

Любовью закатной стращает и кровь
В подсвечники льет, как вино.
Но алые губы закатных костров

Ему целовать не дано.

Он занят трубой, он трубит и трубит,
Он стих, словно крест свой, несет.
А кто там гостит, и кто там вопит,
Неважно, какой с ним народ.

Продавец газет

Я вспомнил перекресток, где газетчик
По воскресеньям останавливал машины,
Просовывал толстенный “Нью-Йорк Таймс”
Поверх стекла приспущенного бокового,

На тротуаре, около дверей “Банк Бостон”
Пирамидами лежали тела газет:
“Бостон Глоб”, “Вашингтон Пост”, “Провиденс Джорнал”.
Я покупал “Нью Йорк Таймс”. Иногда - и местную газету,
Ориентироваться чтоб в программе телевизионной,

И новостях театров Провиденса. Для куража
Заглядывал в раздел, где объявления печатались
Работодателей. Примеривался: что если...
И даже обнаруживал позиции, к которым я мог бы подойти.

Газета местная не занимала достойного ей уваженья
В нашем доме. Летели годы. Курс переменялся
В политике. Упали акции. Позакрывались
Научные программы. Та область знаний,

В которой я работал много лет, внезапно выпала
Из поля интереса звездочетов, которые решают,
Кто и какую получит поддержку государства. Я остался
Без средств к существованию. Мне месяц

Пообещали, чтобы я за это время подыскал работу
Или пошел на биржу. Был еще последний выход -
Получать пособие по безработице. Я стал скупать
Газеты на заветном перекрестке. Я стал экспертом

Разделов объявлений о работах. Однажды,
Просматривая тщательно страницы газеты местной,
Я наткнулся на приглашение продавать по воскресеньям
Газеты. Я поймал себя на мысли, что не содрогнулся

Себя вообразив на перекрестке, не обязательно на том, где банк
Вполне возможно, это будет сквер, или кусок площадки
Около кафе, французской булочной с эклерами и капучино, /Или рядом с блинной,
местом популярным в нашем городке.

Можно подыскать еще поинтересней штаб-квартиру
Для моего воскресного предприятия: церковный садик,
Вход в огромный супермаркет, автобусная станция,
Музей ваiania и живописи. Я увлекся сооруженьем плана.

Для меня газетчика работа не казалась больше несовместимой
С опытом предшествующей жизни. Я был вполне
Готов стоять среди пирамид еженедельников, кричащих о политике,
Торговле, спорте, книгах, автомобилях и продаже недвижимости,

Я больше не искал другой работы. Я утомился.
До конца моей многолетней научной эпопеи оставалась неделя.
Сложил свои тетради, рефераты, книги. В зале
Читальном я просматривал журналы свежие,

Предполагая, что мы прощаемся друг с другом.
Я вернулся в свой кабинет, который в понедельник
Будет ничьим, как будто оведует. Вдруг звонок
Меня вернул к реальности.

Мост над Стиксом

Пройти по мостику над речкой,
Почерневшей от времени и сумрачной работы,
Увидеть черную струю, которую пока еще
Ты волен миновать, пройдя над или вовсе не.

Пока еще старик Харон (как быстро он состарился,
Я ним играл в лапту за школой),
Пока еще Харон
Тебя не поманил веслом укорным

К прощальной пристани спуститься
(Мост остался слева, ты опоздал перебежать.
Там пограничник).
К прощальной пристани спуститься,

Цивильные одежды сбросить
И нижнее белье. Здесь все свои,
Всем в мир подземный следовать.
Вот касса. На пристани есть камера

И душ. Есть камера с камином,
Где одежды земные сжигают.
Теперь ты не вернешься никогда
На землю как человеческая личность.

Ты обезличен. Ты поставлен в очередь.
Ты простерилизовач душем, который души вымывает без остатка,
Без признаков того, что было твоей индивидуальностью,
Душ вымывает, стерилизует, дезинтегрирует, стирает то живое,

За что тебя любили и ласкали, и целовали,
И шептали самые интимные слова.
Иль ненавидели, дразнили, презирали.
Отныне ты пречист. Харон готов везти

Тебя и партию других, очищенных
От ласки и любви, от преступлений,
От всего земного, что делало твою

Короткую земную жизнь неповторимой.

Зимний парк в Питере, Москве или Пярну

Делать вид, что ничего не происходит,
Кроме рыжего мелькания белок.
Долбить ямку в мартовском снежке.
Он покрыт легкой коростой,
Такой же легкой, как твой отказ.

Можно не слышать.
Можно отвлечься,
Вообразив, что маленькая художница
Малюет рыжей кистью
На полотне зимнего воздуха

Признание в любви.

Кто его знает!
Кто познает когда-нибудь
Язык жестов, изгибов, наклонов и нежных покачиваний,
Которыми обмениваются не только люди.

Вот ты долбишь-углубляешь ямку
В снежной коросте.
Это, как дятел - для поддержания жизни?
Это, как дятел - азбука Морзе?
Это, как дятел - передразнивая себя?

Нет, я не буду
Слушать твои слова
Мягкого полуотказа,
Не буду следить за ногой,
Обтянутой мягкой замшей зимнего сапожка,
Не стану принимать близко к сердцу
Упрямое потряхивание твоих волос,
Светлокаштановых ореховых лесных.

Все твои жесты перемешались,
Все твои жесты вышли из под контроля,
Даже твои губы не те произносят слова.

Дай мне прижаться к тебе.
Дай мне прижаться к твоей груди.
Дай мне послушать твое сердце.

Оно не обманет.

Indian Lake

Индийское озеро затянута ряской, мокрыми листьями, рябью,
Распластано в круге седьмом трясинных берегов.
Индийское лето в красные клены одето,
Индийское лето.
По-нашему бабье лето.

По нашему календарю осень.
Жаль очень,
Что был таков,
Пляжный летний выпендрож:
Игры икрами и словами,
Кадрож,
Картеж,
Кортеж,
Который спешил к замку великанскими шагами
Но я был в этот замок невхож.

Это лучше, чем входить в никуда,
Трогать сетку зеленую ряски,
Слушать камышей индейские сказки,
Которые сочинила дрожащая от нетерпенья вода.

Да, между озером, оставленным на память о древних американцах,
И замком с красной крышей на берегу океана
Есть пространство, заросшее лесом, который душат лианы,
Это пространство для тебя и меня.

Будем пускать пир о ги из коробков сигаретных.
Будем воображать себя среди вигвамов.
Будем воображать себя среди запретных
Замков и секретных болванов.

Сними тувельку, притронься ногой к дрожащей,
Вибрирующей далеким прошлым воде.
И ты освободишься от такой жалящей,
Такой безжалостной тоски, которая бродит тенью лета за тобой везде.

Стена

По модели Великой Китайской Стены
Мы навеки разделены.

Давид Самойлов в Пярну

Справа от дома был мол.
Слева от дома стыл пруд.
В доме под музыку Баха стол
Плыл среди рукописей груд.

Дети играли перед крыльцом,
Петя и Паша - апостола два.
Стол со стихами плыл в облака.
Он сидел с обреченным лицом.

Почту свежую разбирал.
Тучи подстрочников разгонял.
Стол со стихами плыл в облака,
Он рассудил: Пока

Пляж и восход - до времен других!
Вокруг пруда прогулку - забыть!
Музыку всякую отключить,

Чтоб обнажился стих.

И отправляется в облака,
Стол со стихами, туда где мол
В море апостольский бычит лоб,
Там, где Пярну-река

В море несет бытовщины гроб,
Чтоб в небеса - из комнаты стол,
Чтоб в повседневности не остыл
Чистой поэзии пыл.

Анна Ахматова и молодой поэт

Слава приходит утром
Солнце проходит утром через лапы сосен.
Дачники проходят мимо:
К берегу Финского залива,
К Щучьему озеру,
На станцию Комарово.

Слава приходит внезапно, говорит Анна,
Вы просыпаетесь в комнате абсолютной безызвестности,
Вы и не предполагаете,
Что на Литейном проспекте,
На Фонтанке,
На Аничковом мосту,
Всюду - газетчики,
Везде - почитатели таланта,
На каждом углу - книжные палатки,
Над которыми летают воздушные шары,
Красные, желтые, зеленые и голубые.
А над Домом Книги летает (оторвался!)
Знаменитый (стал разноцветным!)
Шар-реклама швейных машинок компании Зингера.
Стал воздушным!!!

О такой славе вы мечтаете, молодой человек?

Нет!

Тогда послушайте, приготовьтесь к таинственной славе:
Несколько друзей, кое-кто из них становится летописцем,
Несколько недругов, которым тоже хотелось таинственной славы,
Но даже такой славы они не получили,
Словом, несколько друзей и недругов,
И многочисленные толпы безразличных.
Многочисленные толпы равнодушных к вашим стихам и стихам вообще,
Хотя, стихов вообще не существует.
Есть Пушкин.

Слава, это когда вы просыпаетесь
В комнате абсолютной изоляции.
Нет, нет, не в камере!
До этого...

Вы просыпаетесь в комнате.
На вашем столе рукопись никому неизвестных стихотворений,
Вы открываете форточку.
В комнату вашей абсолютной изоляции
Врывается рев толпы, которая вовсе равнодушна,
Которая требует вас,
Хочет вас видеть и слышать,
Хотя есть Пушкин.

Или это рев возмущенной толпы?
Толпы, которая вас ненавидит?
Ведь вы всю жизнь презирали толпу.
Вам хотят отплатить с лихвой.
Ненависть разве это не слава?
Разве это не слава, когда есть Пушкин.

Киношная серия провалов

Киношная серия глупых провалов, еженедельных,
По сценарию, который сочинил я.
Некого винить.

Серия номер эн плюс бесконечность.
В компьютере не нашел значка бесконечность, вообразите восьмерку на боку.

С владельцем русского ресторана принялся говорить о литературе,
С владельцем ресторана в Нью-Йорке.
Он поддакивал в трубку.
Я говорил о Бродском.
Его позвали на кухню.
Он оборвал беседу.

В московской редакции секретарша допрашивала с подозреньем,
Кто я? Откуда? Звоню по какому вопросу?
А потом сообщила, что Николай Николаевич находится на планерке.
Трубка моя упала, как флажок, на рычаг.

Американский поэт–неудачник
Вызвался переводить пьесу в стихах.
Я сочинял эту пьесу всю жизнь.
Американский поэт–неудачник
Дошел до любовной сцены и потерял работу кассира
В местном кинотеатре.

Я отправился на рыбалку на полуостров Кейп Код.
Мечтал о рыбалке всю зиму.
Купил новый спиннинг.
Приехал в деревушку рыбачью.
Припарковал машину.
А на заветном месте
Сидят рыбаки–португальцы,
Все камни пооблепили.

Из Москвы сообщили, что вышла моя новая книга.
Мол, выслали авиапочтой.
Месяц прошел - нет книги.

Другой к концу подходит.
Где ты гуляешь, книга?
Самолет утонул в океане?

Что, если мне осталась на обедневшей жиле,
Только пустая порода?
Золото кем-то отмыто.
Мне достались провалы.
Киношная серия провалов.
Эн плюс бесконечность.

Жены короля Генриха

У первой жены был шлейф из пурги.
Пургой замело Белорусский вокзал.
Она завернула в шлейф пироги
Он шлейф в два узла завязал.

Вторая жена укатила в Париж.
Кататься верхом в Булонском лесу.
Каштановый лист, длиннопал и рыж,
Она прислала ему в письме.

А третья жена пирогов не пекла,
Не знала дорогу в Булонский лес.
Она на кладбище принесла
Тяжелый могильный крест.

Толстой, Достоевский, Чехов

В Туле или Петербурге,
В Крыму или Сибири,
В сублимированном подобии земного рая
Они беседовали о смысле литературы.

Толстой сказал:
Поведать о патологических ситуациях в нормальном обществе.

Достоевский сказал:
Изучить нормальные характеры в патологическом обществе.

Чехов сказал:
Написать про жизнь моих современников.

К примеру,
Анна Аркадьевна,
сказал Толстой.

К примеру,
Настасья Филипповна,
сказал Достоевский.

К примеру,
Ольга Ивановна,
сказал Чехов.

Толстой оглянулся:
Тсс! Софья Андреевна!

Достоевский крикнул:
Обожди, Анна Григорьевна!

Чехов кашлянул:
Как ты там, Ольга Леонардовна?

Ангелы летали вокруг писателей.
Ангелы с одинаковыми лицами.

Стоило таиться?
Сказал Толстой.

Стоило проигрывать?
Сказал Достоевской.

Стоило ждать,
Сказал Чехов.

Александр Елеуков Маллы, сонеты и песни, печальные и благочестивые

фрагменты винтажного эссе

(о морозной версии) назовем это лиризмом... если в стихотворении сходно говорится про “тебя и меня” - сразу понятно, что речь идет не о партнерах по бильярду, а о нежности и страсти. а значит - ровно два исхода и две генеральные темы - либо “что-то между нами не ладится”, либо “какой восторг!”

(утренний комментарий) что позволяет назвать рифмованные строчки стихом?.. на мой взгляд - стихи не проходят бесследно, иначе - зачем? прочтешь строку и ощущаешь послевкусие, длежащее и неперемываемое обыденностью. прислушаешься к себе после прочтения - а есть ли там легкий шум, пение ангела, звон порванной струны? - ага-ага, значит, стих...

(дневные размышления. о чем же стихи?) тихий стих - о тихом, страстный - на крови... лучшее стихотворение - короткое, почти молча... почти ни о чем... если поэту удастся уловить и передать едва уловимое, блажь, вздор, неважность - тут-то и поэзия, тут-то и стих. Не марш, не речевка, а истинная. потаенная и едва уловимая - по аромату, по тихости - поэзия...

(о высоком стиле) Бытует мнение, что стихосложение требует использования какого-то особого языка, специальных «поэтических» слов и оборотов. Доля истины в таком мнении есть, но есть в нем и момент неправды. В самом деле, поэтическая речь принципиально отличается от обыденной – ритмом, рифмой, методом образного мышления, парадоксальностью воображения. И зачастую юный поэт, собравшийся написать стихотворение, ищет вдохновения в

использовании специальных, «поэтических» слов, вдруг становится манерным, напыщенно-косноязычным, - попросту вызывает чувство неловкости и сострадания. В чем здесь причина?

(о том, почему пишутся стихи) а неловкость в том и кроется, что стихотворение само по себе оказывается целью творца. «дай-ка напишу стих!», говорит себе пиита и начинает вспоминать «поэтические» слова и обороты, представляет себя в особом, поэтическом» состоянии – посмотрите на него в это мгновение, картина замечательнейшая – волосы всклокочены, карандаш покусан или – так порывисто – клацают клавиши, взгляд бродит по углам в поисках предметов и слов – «влюблен-пронзен-окаймлен-пройден...». «вот и снова день пройден я навек в тебя влюблен...»

(грех стилизации) одной из самых нарочитых разновидностей поэтического манерничанья является стилизация – поэт демонстративно надевает на себя маску расхожего лирического образа и начинает говорить на специальном, стилизованном языке. Легко вспоминаются стилизации под «высокий стиль», под «фольклор», под «плачи», под «речевку». Объединяет эти, столь разнородные произведения – нарочитость, неестественность, или игровой элемент, если угодно. И различаются они – степенью искренности игры. Как ребенок, играя, может либо хладнокровно бросить поломанную куклу, либо обречься над сломанной ножкой человечка из желудей...

(показное небрежение к запретам) наркотики, алкоголь, разбитной образ жизни... со времен Вийона и Есенина образ поэта эксплуатировал показную порочность и небрежение к запретам. И благо бы кабацкие песни и завещания висельников были воплощением небрежения к косным устоям речи, до чего гармонично было бы, если бы словесная бравада была не показной! когда все по-честному, не стыдно и перед ментами...

(поговорим о цезуре на третьей стопе) поговорим о цезуре на третьей стопе, потолкуем о дыхании и об амфибрахии... ритм в стихотворении нужен для того, чтобы помогать читателю дышать - правда-правда!либо быстро, ритмично - в двухстопных стихах, либо размеренно в трехстопных, либо - забыть о дыхании в аритмичности белого стиха... а что же цезура, перебив ритма в строго означенном месте? цезура позволяет передать сбой дыхания в важном для поэта месте стихотворения. если же поэт юн и порывист, если чувства распирают его настолько, что и не до стиха совсем, по-честному-то, тогда и появляются провалы ритма или, чаще, длинноты, не оправданные ритмом, но - вот, нужно было именно это сказать ведь! и пусть куда-то проваливается и рифма, но - ведь именно это слово рвется наружу! так я читаю стихи юных, искренних и малоискусшенных в поэтическом мастерстве поэтов - отбиваю пальцем ритм, вслушиваюсь в созвучия, и именно там, где слышится диссонанс, именно в том месте, где стих ломается напрочь, и прорывается настоящая, искрящая донемому поэзия!

(о прелести стиха) прелесть стиха в отзвучиях, в шуме и звоне, остающихся в воздухе после прочтения поэтических строк...

«шла саша по шоссе... и сосала сушку...» вы слышите трагедию, слышите шорох шин за спиной у наивной Саши – «шла саша по шоссе...» - и подсвист ветра и неровное подтормаживание – «...и сосала сушку...» - а дальше – точно! переход на «ззз...», на «жжж...» и «крд-ах!»

мастерство владения словом продолжается в мастерстве владения звуком, шорохом, посвистом и – в конце концов – одним лишь намеком на возможность звучания

(о ритме стиха) ритм стиха помогает мысли найти себе начало и конец, находит слова для вопроса, который поэт задает себе, предопределяет интонацию и подсказывает ответ

(о пафосе в стихе) мне не нравится пафос в стихе. мне не нравится пафос в стихе. сказал два раза – и задумался. так ли он плох? чем стихосложение отличается от иных видов искусств? так же, как театральное искусство, оно может быть игровым, и так же как лицедейство – вполне допускает известную степень отчуждения автора и слушателя от материала. о чем я? я вдруг представил себе юного Сашу Рижанина на подмостках ДК им.Газа в Ленинграде – в белом сви-

тере с пышным воротником, с длинными рукавами и волосами до плеч. это была игра в поэзию – манерная, эпатажная, с перехлестом до ощущения неловкости, до улыбки в самых «трагических» местах – но это ведь была и поэзия...

(о юных поэтах) Пишет девушка: «мне понравились Ваши стихи. Они, правда, Ваши? Я тоже пишу» и дает ссылку. Мне, честно говоря, давно неинтересны стихи, мне становится грустно от необходимости читать их, но я добросовестно открываю страничку и читаю...

Я люблю поэзию, но я давно нашел своих любимых поэтов и любимые строчки. Мне не нужно снова испытывать чувства и душу переживанием чужих опытов стихосложения. Мне не нужно... Мне не нужно даже перечитывать Рембо, Пруткова, Манделштама, Уитмена, я просто знаю, что на свете есть та гармония смысла и его звучания, которая позволяет мне быть в мире с миром.

Почему же я все-таки считаю себя обязанным читать эти зачастую неуклюжие, а порой искренние до неловкости тексты? Что заставляет меня искать деликатные выражения для ответа? Неужели только память о себе – юном поэте, так жаждавшем признания? Только сочувствие к себе, бывшему? К чему бы эта ответственность перед словом, перед порывом, перед наивно-стью?

Пишите, барышня, обязательно пишите! Пишите для себя повзрослевшей и поумневшей, для детей и внуков! Пишите в память об опыте чувств, в назидание и для умиления! Как угодно пишите...

Только, ради бога же, не считайте это все поэзией. Слова, не обращенные к читателю, не предполагающие его, не уважающие его слух и чувства – не поэзия. Не вылюбленное, не выношенное, не рожденное с кровью – не поэзия...

(еще и еще раз об образном ряде стихотворения) Еще и еще раз об образном ряде стихотворения. Стих лаконичен и он еще в большей степени, чем поэма или прозаические литературные формы, требует отточенности образа и безупречности его воплощения в слове. Две строфы, один вдох и один выдох, закрыть глаза и увидеть, задержать дыхание и услышать стук сердца... Чтобы написать такое стихотворение, нужно отвлечься от желания написать красиво, от слепого перебора слов, врывающихся в сознание, но – сосредоточенно выпестовать в себе образ, увидеть его в деталях, услышать его звучание и разговоры и уже из них – выдохнуть слова. Не получилось, не увиделось – лучше и промолчать вовсе.

(можно ли научиться писать стихи) можно ли научиться писать стихи? нужно ли этому учиться?

свое первое стихотворение я написал лет в двенадцать. помню даже, что, перед тем, как взяться за карандаш, подумал – «а что, разве не смогу?» попробовал – глядь! – и получилось. что-то вроде «пейзаж уныл. два цвета в нем – черный и белый. один рисует флаг углем, другой мелом...» и дальше что-то про зиму, как я потом понял, как бы про войну белого с черным, многозначительно так. написал, перечитываю его, вслушиваюсь – стих! вот порадовался тогда – и это я умею делать! очень пытливым мальчиком был...

потом, помню, сижу и думаю: о чем еще написать? смотрю книжка, «Три мушкетера», я ее только что прочитал, открываю ее, читаю первые строки, о том, как д'Артаньян едет на коне. читаю и думаю, что же это «Трех мушкетеров» не написали стихами, - никак поленились! Книжка, думаю, хорошая – возьмусь-ка и перепишу ее стихом!

это сейчас кажется, что – глупость какая! – а тогда – ни в одном глазу, на полном серьезе! с полчасика, кажется, сидел, слова перекалывал в голове. прочитаю абзац, беру ручку и бумагу – и никак! опять перечитаю, опять за ручку – все равно ничего! так я познал муку творчества и возненавидел чистый лист...

не заставило себя ждать и общественное признание моего таланта. о временах года писать мне больше не хотелось, памятники мировой литературы отчего-то не желали облагораживаться стихотворным переложением, а стенгазету надо было наполнять материалом. я взялся за социальный заказ и написал стихотворение к дню победы. теперь я могу говорить, конечно, что писал его нехотя, из-под палки, не заботясь особо об отточенности рифмы... стих мне неловко даже цитировать, хоть я и помню его дословно. помню одноклассников у стенгазеты, как кто-то

спрашивает меня «сам написал?» - «ну!» отвечаю я...

помню потом, когда я чуть повзрослел, детский восторг «да, это мое! могу!» куда-то пропал. я повторял про себя свои неловкие опусы и думал «а вот они как? хуже, чем те, что в книжках? их можно назвать стихами?» я завел себе библиотечку стихотворных книжечек, читал их и заучивал, у меня появились любимые поэты. но все это только оттого, что мне нужно было увериться – то, что я пишу, не хуже.

дальше – больше. чем больше я читал поэтических сборников, тем чаще наталкивался на стихотворения совершенно негодные. слава богу, у меня в ту пору не возникало мыслей, что мои суждения могут быть безосновательными – я успел понять, что стихотворение можно оценивать. я знал, в первом приближении, то, как стих делается, и изнутри видел леность и халтуру, пустоту и натужность стихотворения и его творца. но главная мысль, которую я выносил из чтения поэтических произведений, была, по несчастью, пагубна – «если мои стихи не хуже, то почему они не напечатаны в книжке?» я изнемогал от зависти, я записался в литературный кружок, завел себе белый свитер с пышным воротником, отпустил волосы до плеч, взгляд мой стал блуждающим, а стихи – напыщенны... в конце концов я добился того, что обо мне с улыбкой и симпатией стали отзываться мэтры, а один стишок был напечатан в молодежной газете...

я рассказываю о том, как начинал писать стихи, о том, как думал о стихосложении, и как достигал успехов на этом поприще, и никак не могу вернуться к вопросам, с которых начал – можно ли научиться писать стихи? нужно ли этому учиться? тут-то и путаница.

нет, чтобы пришел добрый человек и сказал – «милый! ты умница, ты знаешь слова и слышишь их звучание – стих ты обязательно сможешь написать. если ты будешь старателен и требователен к себе, если будешь щепетилен по отношению к перебоям ритма и рифмы, то стихотворение твое будет вполне грамотным. но большее – это уже судьба, это случай. пиши стихи, мой хороший, тогда, когда тебе хочется плакать, но пиши их так, словно ты утешаешь друга, и так, словно ты утешен другом, но слезы льются и льются. пиши тогда, когда ты счастлив, но так, словно счастье твое никогда не кончится, словно ты умер счастливым и вот – пишешь. пиши, не забывая о читателе, пиши так, чтобы он понял тебя, но и так, чтобы он тянулся за тобой, потому что – тебе есть, что ему сказать, и есть, куда показать дорогу...» и так он говорил бы и говорил, покуда у меня и мыслей бы не осталось об этой затее...

(не пиши стихов ни о чем) не пиши стихов ни о чем, говорят. что ты высасываешь их из пальца? обязан ты кому-то, что ли, писать? да, отвечаю я. есть такое обязательство. есть время, когда нужно писать стихи – весна, разлука, озаренье – и есть чувство, словно что-то задолжал времени, словно обязан чем-то миру. вот тогда и пишу, как бы отдавая долги, как бы оправдывая свое существование, обозначая ход времени и его наличие...

(как распознать творение юного и неискушенного поэта) Мне много пришлось прочесть стихов начинающих авторов, и я много думал о том, чем же они выдают себя, что же это за особенность, которая позволяет почти безошибочно распознать творение юного и неискушенного поэта? и, честно говоря, долго не мог понять этого. я искал неуклюжесть и ошибку, пытался услышать неискренность и фальшь и не сразу понял, что это неверно.

Однажды мне принесли очередную тетрадку со стихотворениями, и предупредили, что это стихи тяжело больной девушки, проходящей курс лечения в психиатрической больнице. я с интересом естествоиспытателя взялся за чтение, и, чем дальше я вчитывался в порывистые строки, тем отчетливее в моем сознании вырисовывалось такое соображение. я заметил, что стих девушки довольно строг, ритм и рифмы убедительны, если чего не хватало в нем – так это цельности образного ряда, и если чего было в избытке – так это порывистости и страстности – в отдельных местах, лишь в отдельных... и сейчас я скажу главную мысль – ритм ломался именно там, где автор хотела сказать что-то важное, рифма пропадала тогда, когда чувство побеждало стих.

я нашел тетрадки авторов из литобъединения и стал перечитывать стихи именно таким образом – почти не вникая в смысл, я отсчитывал ритм и находил перебои в нем, просматривал рифмы и находил самые неловкие из них, и помечал эти огрехи красным карандашом. а потом перечитывал стихотворение, но уже со знанием о том, что вот эти места, помеченные красным – самые важные для автора. это напоминало разгадывание собственного полузабытого сна, или

подглядывание за целующимися у всех на виду влюбленными – я вдруг гораздо отчетливее стал понимать чувство автора, проникался сочувствием к нему и – что теперь был стих! что его огрехи и неловкости! конечно же, пиши, милый, хотелось воскликнуть мне – пиши, если тебе легче от этого, если у тебя со словом такие искренние отношения!

(поэт должен быть один, одинок, трагичен, нелеп и рано убит) поэт должен быть один, скажу решительно и безоглядно. ломоносов, державин, пушкин, саша рижанин... два поэта - большая путаница и дискредитация идеи совершенности стиха. союз писателей - просто мука, литературные объединения - шайки голодных писак. поэт должен быть один, одинок, трагичен, нелеп и рано убит. он нужен нам как судьба, как подтверждение того, что то, что мы читаем, было по-правде. мы простим поэту плохой стих, пусть будет “любовь-кровь”, если это написано кровью. почитайте ранние стихи пушкина, на смерть поэта лермонтова, целиком, без изъятий стихи о прекрасной даме блока - сколько там нетвердых рифм, сбоев ритма, напыщенности образов и просто дурновкусицы. вы увидите, насколько глухим может быть читатель, привыкший к имени поэта, выучивший его право на стих и уверовавший в его искренность. читателю нужно, чтобы пушкина застрелили, чтобы мандельштама расстреляли, чтобы у ахматовой всех посадили, а она уводила и уводила чужих мужей... просто стих, без крови - не стих.

(допустима ли конкретность в поэзии) допустима ли конкретность в поэзии? имена, названия улиц, милая неправильность черт? или стихотворение призвано говорить об общем, о большом, о том, что переживает это мгновение? да, скажу, только великое достойно стиха, только то, что имеет смысл воплотить в чеканных формах, что заслуживает быть увековеченным. нет, скажу, только доутренний птичий щебет, только мимолетное, едва уловимое, предчувственное заставляет душу поэта изливаться звучанием. и все-таки есть в стихотворном упоминании имени что-то избыточное, что-то неловко-интимное, по-детски срамное...

(вот тебе и стих!) нужно уметь воспарить, оторваться от будничного, сиюминутного, нужно заставить себя отключить телефон, выйти из аськи, выключить компьютер... отключить свет, сесть в угол и поскрипывать карандашиком в блокноте... остановить взгляд, чтобы не шарил по предметам в комнате и за окном, обратить его в себя и там задуматься...

затаиться в пустоте, в отсутствии мысли и чувства, прислушиваться к тишине внутри - нет там ничего, ни звука, ни вдоха - а так хочется слов, так хочется восторга и жалобы!

вдыхаешь воздух и вперед! знакомым текстом, набитым ритмом, проверенными ритмами... вот тебе и стих!

(одна мысль, одно чувство) поэт должен быть один, говорил я, один - чтобы не путаться, не спрашивать, кто лучше, кто какой, кто для чего... лучше всего, если стихотворение у поэта одно - самое лучшее, самое настоящее. и совсем здорово, если стихотворение короткое - чтобы его можно было легко запомнить, и чтобы оно было простым по мысли - чтобы его несложно было понять... одна мысль, одно чувство, которое можно пересказать одним-тремя внятыми словами - вот источник идеального стихотворения, для которого остается лишь создать уместную форму, которое нужно облечь в единственно верные слова, почти расчетливо, холодной рукой, сухим языком

(желание вторить чужой песне) люблю блока, люблю рембо, ну и что? как романтичны его обращения, как пробивает он верхние пределы, воодушевляясь, взмывая... могу я написать так же? и стараешься, и стараешься, подчиняясь чужому ритму и непрожитому чувству... и только потом вдруг понимаешь, что лучшее случалось тогда, когда, устав, вдруг печалился о своем, когда, взматерившись, переставал принаравливаться к чужому поэтическому слогу...

есть отчетливые признаки беспомощности творца и самый очевидный из них - нескрываемое стремление к подражанию, следование образцам, желание вторить чужой песне. спокойный, выверенный лексикон, проверенный ритм, твердые, словно вычеканенные рифмы, - все это можно счесть как признаком поэтической зрелости, так и симптомом творческой немочи... есть что-то словно нечестное в слишком спокойном, слишком пустом, слишком правильном стихотворении, знаете ли...

(подражательство - убедительный признак творческой беспомощности) я твердо уверен, что подражательство - убедительный признак творческой беспомощности. сложно назвать подражательством творческий диалог с коллегой, который может выражаться в том, что один поэт подхватывает интонацию, слог, ритм другого. и даже такой диалог я бы скорее отнес к категории литературных забав, к разряду филологических упражнений, но не к творчеству как таковому.

(не люблю строгих поэтических форм) строгие поэтические формы манят к себе начинающих поэтов. манят как испытание, как возможность проверить себя и свой поэтический дар... размеренность и обстоятельность классических форм заставляют говорить серьезные, важные вещи, понуждают к самоуважению, к вальяжности в поведках и речах. читаешь такой стих и представляешь поэта умудренного, маститого, за письменным столом красного дерева, под тяжелыми полками с собранием сочинений.

я так скажу - читатель стихотворения словно в игру играет, в детские дразнилки, - он дышит, как велит ритм, он ставит смысловое ударение на зарифмованных словах, подчиняется образному ряду автора... словно мальчишка, что увязывается за прохожим, копируя его походку и статью.

и что сможет скопировать такой мальчишка, что может прочувствовать такой читатель и чему сопереживать? вот именно это - рассудочность, высокомерие, порой и просто неспособность к чувству пылкому... не люблю строгих поэтических форм...

(прав ли художник, обнажающий свои переживания?) очень чувственная поэзия... до влажных губ, до сальных словечек, до пошлости... прав ли художник, обнажающий свои переживания? а тот, что оголяет прилюдно свою возлюбленную? тот, что пересказывает интимные подробности совокупления? чем он отличается от мужлана, похваляющегося перед дружками своими амурными похождениями?

как не проскользнуть за эту грань, разделяющую художественную отстраненность от холодного безразличия к чувству? и, даже если автор забывает о существовании женщины, которую любил, то - что это в таком случае? месть за то, что чувство прошло?

прислушайся к себе, прежде, чем писать слова. прислушайся к жизни, вспомни о ней. как же так можно, милый!..

(пространство вздора и блажи) я не знаю, как это вернее назвать... крутятся на языке слишком научные, черезчур механистические, ах! такие непоэтичные! слова - алгоритмы, архетипы, конструкторы... я говорю о сюжете стихотворения... понятно, что - какой там сюжет? применительно к короткой литературной форме, относительно стиха, рассуждать об этом так же странно, как анализировать дискурс крика... раскладывать по контрахордам стон роженицы, вписывать на нотный стан утренний щебет в саду... и все же, и все же...

когда я читаю стихотворение, я отчетливо понимаю, - сложилось ли оно. я могу уверенно сказать - пустое оно или нет, была ли у автора веская причина для высказывания или неловкость случилась оттого, что в руке оказалось перо... когда пишу - то же самое - я чувствую, что пока чего-то недостает, словно вдох не закрыт выдохом, словно жалоба не оправдана горькой иронией... и тяну тон, подгибаю пластилиновые ручки и ножки, перебираю слова, путаясь между красотой и неловкостью. неловко признаться, но я при этом чувствую, куда клоню, и чувствую почти рассудочно... если можно говорить о рассудке в пространстве вздора и блажи, - так, словно подсказываю тому, кто показывает мне сны, что должно быть дальше...

(стихосложение особый жанр словотворчества) стихосложение особый жанр словотворчества, и особенность его заключается не в специальной ритмичности и не в нарочитой складности. особенность эта реализуется в эмоциональности, в чувственности обращения со словом. научись предощущать страсть столкновения слов, нерв падежа и панику сослагательного наклонения, запускай грамматическую структуру предложения по гиперболе обиды и гони по заросшим сорняками переулкам нежности, подстегивай ритм чередования шипящих и ругающихся звуков биением собственного сердца, взмывай наречием, затихай летним дождем

(о рифме. практические советы) когда поэт идет напролом, он озадачивает читателя изломами ритма и причудливо неловкими рифмами. он смиряется с нетвердой рифмой, разрешает себе недослышать явно.

когда поэт ищет твердую рифму, он перебирает слова, которые могли бы подчеркнуть важность того единственного, самого важного, вдруг впавшего в созвучие. тогда рифма подчеркивает значимость сказанного, придает слаженной фразе дополнительную весомость. рифма - брачующаяся пара смыслов - становится наиважнейшим акцентом строфы, ее апофеозом и восторгом.

Арсен Мурзаев

* * *

есть стихи
но нету блеска

есть блесна
но где же леска

нет стихов
но есть слова
из свинца и
о-ло-ва

нет рыбалки
есть грузило

вот и славно
вот и мило

нету слов
но есть молва

где молва
а где волна

никогда мы не умрем
ветер горы зверь цветок

напишу я вас живьем
точка точка
завиток

* * *

В. Земских

когда девушка
цвета фламинго
проходит мимо нас
по утренним лужам
не остается ничего

кроме запаха
осеннего недоумения

Читать и писать

1.
в очередной раз
сизу и слушаю
чужие стихи
сизу и слушаю
сизу и слушаю
сизу и слушаю

и вдруг понимаю:
жить остается
все меньше и меньше
все меньше и меньше
все меньше и меньше

с каждой
буквой

2.
слушать
когда кто-то
читает твои стихи
мягко говоря, неловко,
даже если это
твой родственник
добрый друг
сосед по лестничной площадке

слушать
когда кто-то
читает твои стихи
не слишком приятно,
даже если это
поэт
очень талантливый
самобытный
и оригинальный

слушать
когда кто-то
читает твои стихи
попросту омерзительно,
особенно, когда это
профессиональный чтец
с его извечной экзальтацией
фирменным придыханием
ритмичными взмахами рук

слушать
когда кто-то

читает твои стихи
бессмысленно:
все равно
он прочтет их
НЕ ТАК

3.
вот так бы
все поэты читали:
громко, отчетливо
и проникновенно

а то
один мялит
другой шепчет
третий хрипит
а четвертый
вообще читать не умеет –
только писать

4.
для того
чтобы писать стихи
нужно влюбляться в:
женщин
стихи
книги
деревья
времена
пространства –
ЖИЗНИ
СМЕРТИ

а потом...
– потом? –
по новой
по кругу
в той же
тональности

5.
Музею Вадима Сидура
в толпе поэтов
читаю стихотворение
«Поэт и толпа»

6.
Поэту
умирай поскорей
дай народу
себя оценить

Стихитрость

66

стихи – трость
на неё опираюсь
при ходьбе
по этой
ЖИЗНИ

* * *

сте-на-ни-е –
постепенная смерть стены

сле-за-ни-е –
постепенная смерть слезы

сти-ха-ни-е –
постепенная смерть стиха

ПУСТОТАРА

«Эти полностью полые люди...»

(В. Аристов)

иногда
ощущению абсолютной
пустоты в пустоте
мешает чувство
полноты присутствия
живого в посмертном

* * *

прохожему, апрельскому божу

куда летишь
птица Старпёрушка
обтрёпанная
в оперенье с чужого плеча
нищая
жалкая
«с бедным узелком утешений»
с ясным взглядом:
в одном глазу –
Небо
в другом глазу –
Смерть

* * *

Аф. Никитину
вагон
огромных теток толстозадых
в футболках желтых

такие милые

все жрут и ржут
все жрут и ржут

все жрут и ржут

а мне при том
совсем-совсем
не страшно
поверьте
мне совсем-совсем
не жутко
ничуть не хочется
о смерти размышлять
под этот дикий ор
и это ржанье
огромных желтых теток
толстозадых
в вагоне поезда
НИКИТИН АФАНАСИЙ

ИЗ ЦИКЛА «ВОТ ВЕДЬ ОНО КАК!»

* * *

Алику Якубовичу
О, сколько холодной водки
в твоих стихах!
Вот дочитаю свои –
и в магазин за углом...

* * *

Александру Макарову-Кроткову
Выпил водки.
Жить стало легче.
Ходить – сложнее.

* * *

Нижнему Новгороду
Заглянул в холодильник,
а там водка.
Вышел на улицу –
кругом водка!
Горькая жизнь!..

реэволюция

1.
младописание
слабописание
наглописание
са-мо-о-пи-са-ни-е

2.
словогорение
смехопарение

грехопадение
са-мо-пов-то-ре-ни-е

* * * * *

Танец в собственном смысле -
Хоровод непрерывный-
Хоть танцоры устали -
Всё кружатся,кружатся...

* * * * *

Как бы ты не пыжился,
Как бы ты не тужился,
А танцоры кружатся,
а танцоры кружатся...

* * * * *

Эквилибристы смысла скисли
Паяцы разума оглохли
И на пустом ума манеже
Лежат забытые оглобли.

Mumpur

Мойма

Этхх

НВсгд

СО
МНой

РЕКМЫ
БЫ
ЧИТАЛИ В
НОНО
СТАЖИ
ЖИЗНЯДИ
ТОМА»

ВЪТЪКЪ
СЪТЪХЪ
ЛЪТЪ ОУАТЬ
СЪТЪХЪ
МШОРЪХЪ
СЪТЪЛ

НЕЛОЗА
ВИДУ
ЕШЬУЧА
СТИЖИ
ЮМАНТА

Мир Богатырь

О, как неловко развиваются наши взаимоотношения с дымом!
О том, что Отечество словно бы спит и видит, как бы перевоплотиться
в систему сообщающихся сосудов, сообщают и наблюдатели, и исследователи
психиатрической документации за последние 200 лет.

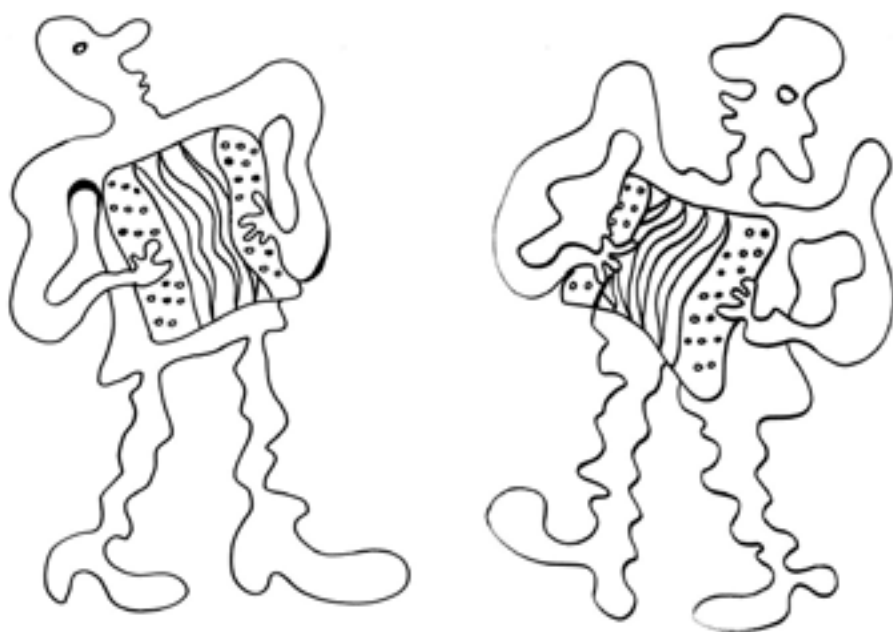
ПЯТНО

это в каком-то смысле антипод

ДЫМА:

оно не в состоянии развеиваться, и потому оно аполитично.

BMW в музыке

Blow-up Magic Waves

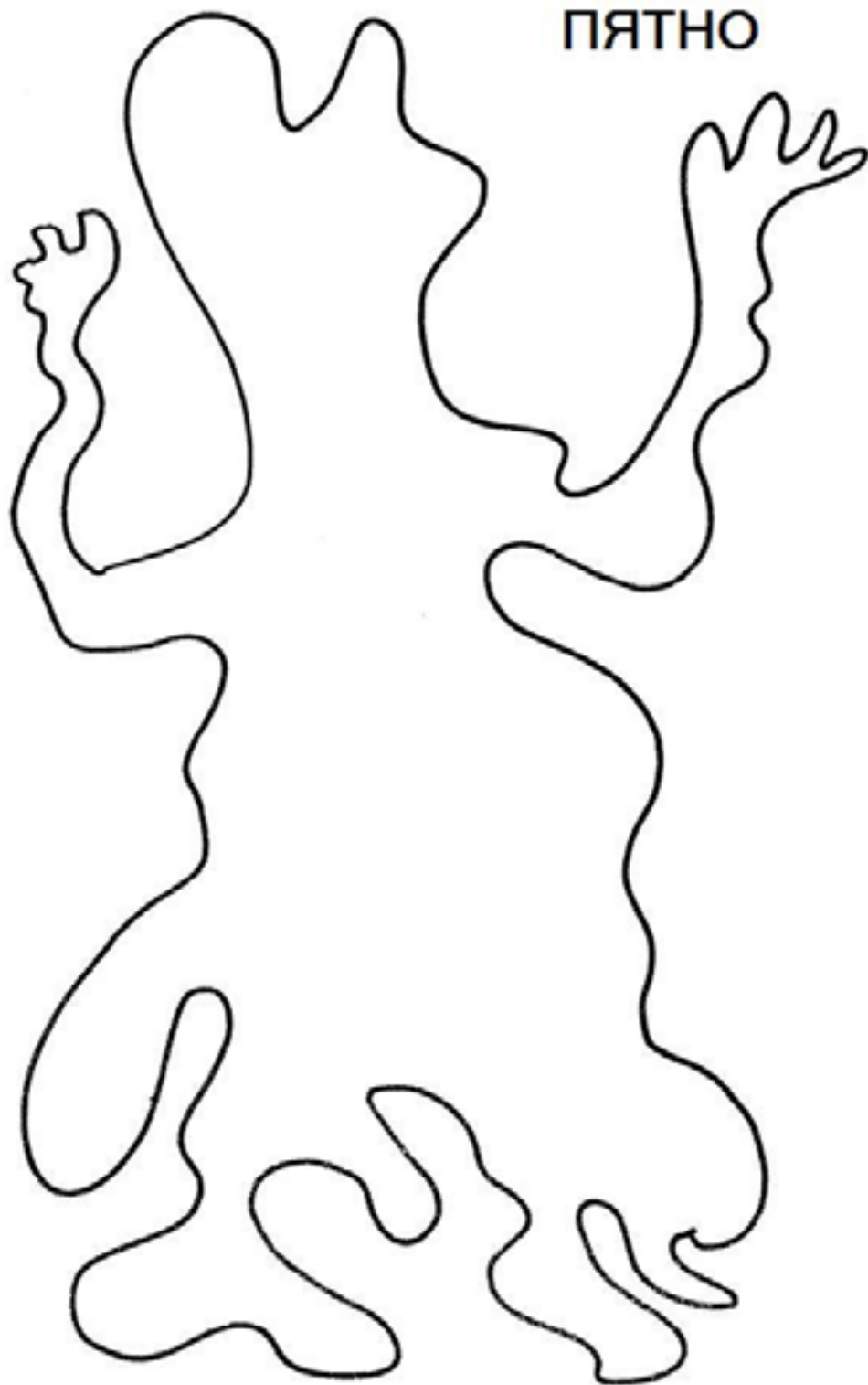
Взрывные Волшебные Волны в музыке

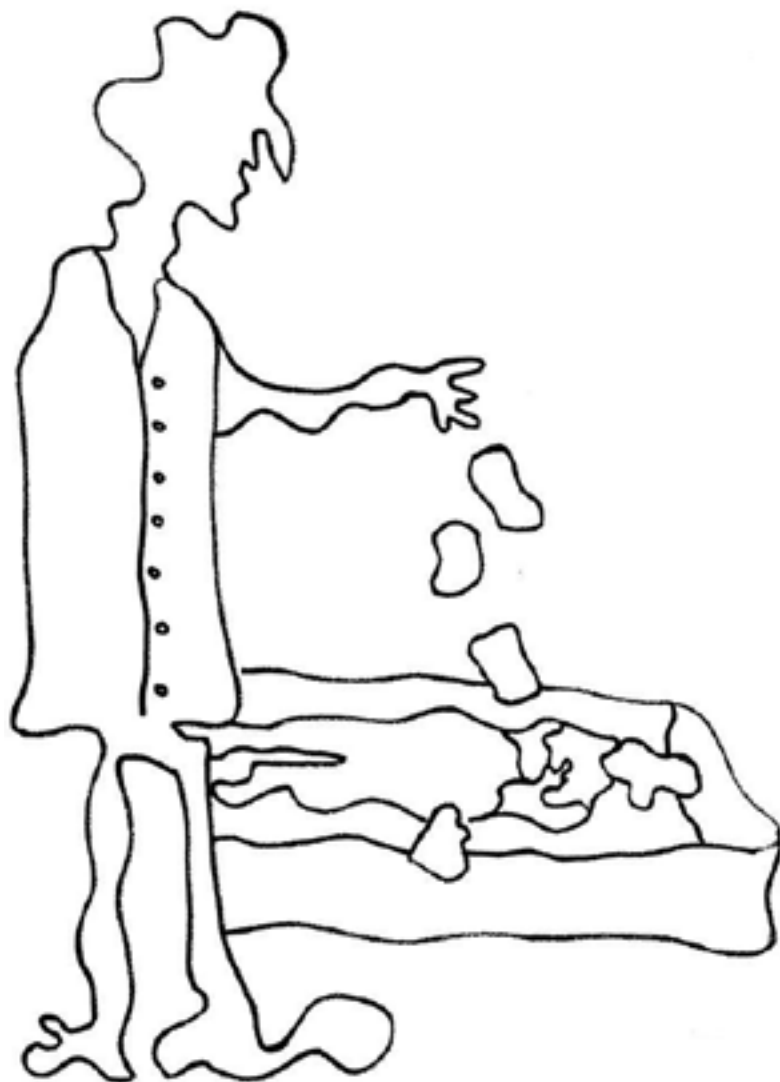
Как начнут играть два гармониста, ассиметрично расщепляя такт за тактом, состязательно сопоставляя свои представления о длительностях и размерах!!!!!!!!!!

По взаимному соглашению один «такт» у них может длиться от 30-ти секунд до 6-ти минут.

При этом вместо нот и мелодических фраз они используют так называемые МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПЯТНА.

ПЯТНО

**МУМИФИЦИРОВАННЫЕ ЛИЧНОСТИ
В ОДЕЖДАХ БЕЗ ЗНАКОВ РАЗЛИЧИЙ
истово коллекционирующие значки и значки
КУДА НАМ ДЕТЬСЯ ОТ ЗНАЧЕНИЯ
СЛОВА «смысл»?**

Стоит только позволить себя клюнуть в одно незащищённое место, как тут же обнаружится и множество других уязвимых участков, в которые будут тебя клевать почём зря... Такова, брат, невесёлая арифметика соблазнов. Допустишь себя до одного, глядь, а уже само собою до двух досчиталось, а там, смотришь, уже и трое сидят на плечах, погоняют... И -- пошла раскрутка! Пятно, расположенное выше, повествует нам о том, как господин Нопят оказался в плену у собственной слабости.

Когда цыганка вправляет в монисто ещё и монетку монизма, универсальное значение танца не меняется ни на йоту.

Наша Ситовко

В старину косили хлеб
И умели слушать снег
Но никто, увы, не видел
Как находят Golden Middle

Dans les temps tris tris tris vieux
ils ont su faucher le pain
a la recherche d'or du milieu
mais personne n'ont trouvй pas

Aleksandr Stesin

О. Мексиной

Зашкурит ветер суховейный
ночное небо добела.
От португальского портвейна
весь вечер голова светла.
А с юга облаком косматым
летит над каменной грядой
не то Осама с автоматом,
не то Хоттабыч молодой.

Блажен, кто мыслит скрупулезно,
блажен, кто портит общий фон,
кантуясь в скверике морозном,
где по субботам марафон.
И если каждому - по вере
за строгой выслугою лет,
мы остаемся в этом сквере,
как тот философ без штиблет.
Как тот, присевший на поребрик
с газетной вырезкой в руке,
пока брагурный марш колеблет
отрепья флагов вдалеке.

2001

От охрипших нацменов трущоб городских,
готов, панков, харджоров, скинов,
начинается путь в прозаический стих
и фонащийся динамик не нов.

Собиралась дружина, копила весь год
на доспехи, фургон с барахлом.
Но, иуда-предатель, в конце главный гот
все забрал и отправил на слом.

Было, в общем, обидно. Размашистый “фак”
после этого часто чертил
на простенках Агерн, исчертил весь барак

и художником редким прослыл.

Я возьму ля минор, за которым всегда -
ля минор, чтоб не сбиться в игре.
Начинается муторных дней чехарда,
зрелый возраст, зима на дворе

и такое, о чем допою не к селу,
всех ревнуя в своем "не селе":
и прекрасную Лею - к другому козлу
и Агерна - к холодной земле.

2003.

Третируй меня Станиславским,
развешивай ружья повсюду,
без лишнего шарма и ласки
разбей или вымой посуду.

Не нужно большого таланта,
а нужен лишь край авансцены,
мерцание кухонной лампы,
фарфор, в черепках или целый.

И, в общем, неясно, что нужно,
поскольку ненужно все это, -
ни пробы для фильма чернушной,
ни взгляд, или как там, поэта.

Сядь ближе. Так быстро стихает
зал зрительный многоэтажный.
И свет сам собой потухает
с тех пор, как в отлучке монтажник.

2003.

Лифт застревает на третьем и пятом,
в трубке диспетчерской - треск.
Трудно застрявшему в грустном и пьяном
виде принять этот крест.
Пусть и не крест, пусть лишь трестом жилищным
вынесенный приговор,
разницы нет, если разница в личном
переживаньи всего.

Жизненный стаж, бесконечный, поскольку
круглому кратный нулю,
длится желанием плюхнуться в койку
(*cogito ergo* не сплю),
тянет волюнку рифмованной речи,
красную кнопку долбя,
чтобы очнулся абстрактный диспетчер

(тот, что услышит тебя,
сонную тишь осенит междометьем
и трехэтажным полетом),
и повторился меж пятым и третьим
самый свободный полет.

2003.

Мертвый кореш Агерн закурил
на ступеньках панкового сквата,
легким прахом с бычка посорил,
из каналов ушных вынул вату.

Сорок дней, ирокезом трясая,
он плясал под расстроенный струммер,
и смекала окрестная вся
шантрапа, что Агерн уже умер.

То ли зелень допил поутру,
то ли ветру и зыбкости водной
завещал свой единственный труд
“Анархисты в защиту животных”.

Если жил я когда-нибудь там,
где живут среди отвесных развалин,
и любой бесприметный смолл таун
европейское носит название,
то, клянусь, по другой стороне
виадук а ходил с барабаном.
Так зачем все мерещилось мне
это чудище в платице бальном?

Полуреквием, полудискант
пай-детишек, поющих про дождик.

Каждый шизик в душе музыкант,
каждый двоечник где-то художник.

И, конечно, панк-рок, твою мать,
сейшн в Центре Еврейской Общины.
Все семейство приходит внимать
гребнеглавому буйному сыну.

Строго слушает Клизман-отец,
с умилением глядит Миссис Клизман.
Надрывается чудо-певец,
эпатирует их вокализом.

Там учили историю от
чаепитий в салонах столичных.
Там неведомый Бойль-Мариотт
был причиной эффектов тепличных.
Там читался в газетах призыв

оборону границы упрочить.
В псих-больницах вручали призы.
Под забором делили жилплощадь.

И не так уж трагичен уход
человека в цепях и наколах.
Где пять весен как пуст мюзик-холл,
храм искусств захолустного толка,
мы сидим на бордюре, пока
летним мусором ветер играет.
Эй, вставай, не валяй дурака,
в нашем городе не умирают!

2002.

Колыбельная

И, как от роду в пять лет
(от горшков до мисок),
тело прикрывает плед,
волос же не высох.

В теплой ванне полежав,
полежи в кровати.
Трус ли, глад ли, мор, пожар -
не резон вставати.

Спят усопшие (авось
сны увидят в почве).
Спи и ты, мой свет, инвойс
не придет по почте.

Если долго спать, не встать,
смерть перехитривши,
вывезут тебя подстать
падишаху в рикше
на какой-нибудь проспект,
повезут в предместья.

Что тогда им твой успех
в области бессмертья?

Спи, покуда с ветряной
оспы да в зеленке
есть кому твой лик земной
забирать с продленки.

2003.

Ночное дежурство

Щяо

Пусто на кухне. Завтракай в полночь (час перерыва).

Слушай, как ухнет Скорая Помощь, будто открыла
что-то такое, что угнетает в общих палатах,
в светлых покоях, где санитарит Смерть без халата.

Рисовых гренок ужин китайский с ибупрофеном.
Ухнет сирена - к трубке кидайся, спутанной с феном.
Нет телефона, нет в мире сна и нету движенья.
Лучшая форма самопознания есть отраженье
в зеркале мутном - ребра комода, две-три ириски,
письма к кому-то без перевода на мандаринский.

2002.

Здесь лет десять назад я возник,
на борьбу с одиночеством поднят;
здесь глядел, как неряха-двойник
в зону жизни вступает в исподнем.

Пол-зарплаты за ящик тряпья
отдала, чтоб ходил, как все дети,
школьной осенью мама моя,
моя лучшая мама на свете.

Я осваивал стили азы,
выделялся на фоне неброском,
подростковый пиит, чей язык
раздвоился змеиным отростком.

Класс распустят - придумай бродить
по окраинам в порванной джинсе,
и такой паровоз городить,
растекашеся рифмой по жизни.

А потом лечь на землю ничком
в пустоте, где не воют койоты,
а сигналият в пространстве ночном
воспаленные фары Тойоты.

2001.

Развивая тему апокалипсиса

Оле Мексиной

Если кончится мир, нам покажут кино
по сценарию Спилберга или
сухарей из кокоса всучат полкило
от щедрот диктатуры в Заире.

Мы очнемся в вагоне пустом на мосту,
чтоб в фонарное море впадали
каждый штрих по штриху и мазок по мазку,
жми, кондуктор, на обе педали.

Как зловещ наших станций окольный пунктир,
распорядок опасных районов.
Глянь налево - притон, глянь направо - сортир.
Там мочился убийца наемный.

В подземелье спускается поезд ночной,
как Орфей в роковую загранку.
И скулит по хозяину Цербер ручной,
у МакДональдс привязан к гидранту.

Был бы критик про нас конъюнктуру строчить,
пробавляясь рутиной халтурной,
он сумел бы в тебе и во мне различить
поколение межкультурных.

Он писал бы за правду, за суть бытия
с опрокинутым "i" не от мира.
В ежедневном издании выходит статья
под рекламой цветочного мыла.

Мы уснем ненадолго в вагоне пустом,
прикрываясь газетою этой,
если кончится мир, и река под мостом
на поверку окажется Летой.

2002.

В джинсах-шароварах, в кофте с капюшоном,
с рюкзаком в заплатах на спине,
хорошо краст-панком с пафосом тяжелым
рисовать граффити на стене.
На дверях продмага, на табличке "Welcome"
ставить крест фломастером лихим
и еще чего-то - снизу шрифтом мелким -
манифест панковский или гимн.

Через две недели выйдет из запоя
легендарный Корки-гитарист
с материалом новым для экспромт-забоя
и татуировкой "Черный Принц".

Он читал когда-то пару умных книжек,
плюс - про хари-кришнов ерунду.
Пояс брюк болтался ягодицы ниже;
выше крыш парил свободный дух.

Через две недели мы пойдем дворами
(подтяни штаны, фломастер смой!)
к хари-хари-кришне, хари-хари-раме,
незнакомой улицей - домой.

2003.

86

За хорошее поведение
год за годом на День Рождения
неврастеник дядя Кирилл
книжку толстую мне дарил -
в темносиней обложке с медным
ликом Барда, зело надменным,
“внемли, сыне, моим речам”,
говорившим мне по ночам.

И смеялся дядя, приблизив
взгляд в очках, качал головой:
“Ваш ребенок - вылитый Изя.”
Точно - Изя. Только живой.

Соскребали добавку ложки,
рюмки чокались пур-ле-фам.
Но глядел в пустоту с обложки
непрочитанный корифан,
будто знал, что пора на выход
в мир и в люди, которых нет,
наугад отличать живых от
оживающих в каждом сне,
где катарсис сродни катару,
в слове “адрес” есть корень “ад”;
в будний день сдают стеклотару
ветераны всех илиад.

2003.

В. Певзнеру

Свиданий наших с психотерапевтом
еженедельно празднуются дни,
и платежи за тет-а-тет с отпетым
специалистом - податям сродни.

Он примет нас, увечных подопечных,
отметит улучшение и т.д.
Но ночь придет, и снова эмдепешник
из эм уходит в длительное де.

Такая тема. Намертво продуты
домашние пространства декабря.
На год вперед закуплены продукты.
Укус цеце не ввергнет дикаря
в опасный сон. Бывалому медбрату
все легче бальзамировать тела.

Так улыбнись, как нам и вправду
не достает лишь света и тепла.
Как будто прав фрейдист наш, и неловко

из де обратно возвращаться в эм,
когда опять идет за нами ломка,
как сумасшедший с ворохом поэм.

2003.

Средь немых вилок и тарелок
путь домой находишь наугад.
Шесть часов. Вечерний циркуль стрелок,
тикая, садится на шпагат.

Время сникнуть, время сгинуть вовсе,
свой обед, не разогревши, съесть
время есть, и в гусеничном ворсе
пледа мерзнуть - тоже время есть.

Но не время у лихого беса
философской внятности просить,
потому что жизнь - не только бегство,
потому что стоит погасить
искру, как опять по коридорам
дед-уборщик примется мести
пепел сигарет твоих, в котором
вряд ли Феникс вздумает расти.

2003.

Когда причаливают лодку харонову
к крутому берегу Восточной реки,
и грузят ту или иную херовину,
бычки за уши заложив, моряки,
психоделичный дядя, спешившись с велика,
с другого берега им машет рукой
и смотрит, как выносят шляпки из эллинга.
И густо фабрики дымят за рекой.

Сентябрьским утром взгляд, от ветра слезящийся,
он устремит туда, где пристань и шлюз,
и напевает не лишенный изящества,
еще с Вудстока им запомненный блюз

о том, как много нужно этого самого
для просветленья в мозгах, а для души
одна любовь нужна и музыка, заново
в ушах звенящая и горсть анаши.

Так напевает он, и в образе Хендрикса
уже является Харон мужику.
В предверьи ада речка движется, пенится,
любовь и музыка стоят на чеку.

2003.

Деликс Черик Стихотворения

Х Х Х

Это только с виду, с виду,
а на самом деле - нет,
что на целый свет обиду
затаил в душе поэт.

Просто он без нас не может,
что бы там ни говорил,
а для тех, кто занеможет,
как архангел Рафаил.

Он не требует за это
благодарности людской,
и тяжёлый крест поэта
гордо тащит день-деньской.

Чтобы полночь, при свете
стеариновой свечи
думать не о винегрете,
о компоте и котлете,
о поджарке и спагетти,
о сардельках и омлете,
но о Маше, Вове, Пете,
заблудившихся в ночи.

Не пеняет на планиду,
бескорыстно дарит свет...
Это только с виду, с виду,
а на самом деле - нет.

2004

Х Х Х

Куда вы, муравьи,

умерьте вашу прыть,
вам никогда, увы,
плевка не переплыть.

Но, как всегда, смельчак
найдётся хоть один:
горит огонь в очах,
бурлит адреналин.

Уже маяк погас
и смолк собачий лай.
Контр-адмиральный брасс
сменяет батерфляй.

Плевать, что по домам
давно все разошлись.
Пьёт за прекрасных дам
эгейское Улисс.

2004

X X X

На двестишестидесяти первом
африканском слоне,
как спасение нервам,
сон спустился ко мне.

Я во сне улыбался,
я блаженствовал, но
кто-то вдруг постучался
и вломился в окно.

И от этого грома
улетучился сон.
Надо мною огромный
и рассерженный слон.

“Я тот самый, две тыщи,
но не первый - второй,
о котором, дружище,
знать не знают порой.

Не надеялся встретить,
ухмылялся в душе.
А двестишестидесяти третьим
на подходе уже.

И четвёртый и пятый,
и шестой, и седьмой”.
Я проснулся помятый,
слава Богу - живой.

Со слонами водится
зарекаюсь теперь.

В крайнем случае - птицы,
воробьи, например.

Х Х Х

Если всё-таки у вас,
не хочу и даром,
появился новый глаз
в дополненье к старым.

Вы об этом никому,
ни за что на свете.
Как прожектор зрит во тьму
этот самый, третий.

И не скрыться от него
и не отвертеться.
И горящий взгляд его
проникает в сердце.

И теперь в полночный час,
не мигая, строго,
смотрит, смотрит третий глаз
и провидит Бога.

2004

Х Х Х

Да, мало ли, что остановит.
Да, мало ли, что тормознёт.
Портфель в сугроб. Смотреть, как ловит
рыбак и видеть рыб сквозь лёд.

Успеть к уроку, еле-еле,
на парту грохнуться без сил,
вытряхивая из портфеля,
снег, посиневший от чернил.

И сочинить отмазку - типа,
что встретил инопланетян.
И плавать у доски, как рыба,
в правописании -ан (-ян-).

2004

Х Х Х

“Спокойной ночи, малыши”
и тётя Валя
годами нам от всей души
любовь внушали.

Мы полюбили изо всех
и даже больше,
как не любил, быть может, Лех

несчастной Польши.

Как не любил родную топь
Иван Сусанин...
Но, что любовь загонит в гроб
не знали сами.

И мы рыдаем от любви
и от восторга,
по горло в собственной крови,
да и не только.

2004

X X X

Ни хозяйства, ни собаки,
у Ивана - ничего:
щучьи враки - свет во мраке,
согревающий его.

Он художник, он мечтатель,
он непризнанный поэт.
Возлежания кровати
для Ивана лучше нет.

Он не пашет и не сеет.
Целый день в окно глядит.
Только Матушка-Расея
на таких, как он, стоит.

Потому что, потому что,
потому что, потому:
без него темно и душно
и похоже на тюрьму.

И пускай его песочит
без конца родная мать,
он не может и не хочет
и не думает вставать.

Но, когда ему наскучит
эта гладь и эта тишь,
он судьбу за хвост прищучит,
как еврей гефилте фиш.

Сев на скатерть-самобранку,
он умчит за облака.
А пока валяет ваньку
и валяет дурака.

2004

X X X

Не сказали “куда” и “зачем”,

но сказали, что надо,
и прямая дорога в Эдем
пролегла из ада.

Распевали в саду соловьи
о любви, в утешенье.
И комбат на солдатской крови
получил повышенье.

2004

Х Х Х

То ли снег, то ли пух тополиный.
Мягко стелет, да холодно спать.
Приползу на карачках с повинной.
Нет прощенья. Мне ли не знать.

Снег растаял со скоростью пуха.
Отчего же не стало теплей?
Затянулась моя невезуха,
затянулась на шее твоей.

2004

Х Х Х

и в Небесном Амстердаме

В марихуанном и не только
раю, где время быстротечно,
ты задержался не надолго,
но оказалось, что навечно.

За стойкой бара Коля, Ося,
Марина, Жоржик, Боря, Аня.
Бармен поглядывает косо
на отражения в стакане.

Бедняга не уразумет,
что у поэтов есть обычай
переходить, когда стемнеет
с мирского языка на птичий.

И не оплёвывать, напротив,
любить от всей души друг друга.
А в это время, между прочим,
в Сокольниках бушует вьюга.

А на Тверском бульваре крыши,
как ты просил, Господь, пометил,
и театральные афиши
до дыр зачитывает ветер.

И на Ваганьковском у брата
цветёт искусственная роза.

И так желанна, так чревата
запоем рюмочка с мороза.

Москва не то чтобы икает,
но помнит старую обиду.
И оберег не помогает,
а так, болтается для виду.

2004

Х Х Х

И чего там только нет
у поэта на обед,
Нет борща и нет спагетти,
нет подливки, нет котлет.
Есть: некормленные дети,
без обеда столько лет.
Нет: люля и нет бисквита,
нет поджарки, нет харчо.
Есть: на целый свет обида
и товарища плечо.
Нет: уши и нет - фаршмака,
нет компота, нет котлет.
Есть: проклятая бумага
и ни строчки столько лет.
Нет: бычков и нет - кагора,
нет цыплёнка табака.
Есть: Отечество, в котором
все валяют дурака.
Нет! И эхо многократно
повторяет звукоряд.
Есть, ребята, путь обратно,
если нет пути назад.
За столом семья: четыре
неприкаяных души.
И летают по квартире
словно бабочки в тиши:
Гавриил и Михаил
только слышен шелест крыл.

2004

Х Х Х

Балансируя между
этим светом и тем
не боюсь, что надежду
потеряю совсем.

От того ли, что прежде,
чем уйду в Никуда,
сделать ручкой надежде
не позволит беда.

Уж она не оставит.

Уж она не предаст.
Обязательно вставит.
Обязательно сдаст.

Не рядится в одежды.
Распознают. Сорвут.
Тихий ангел надежды
уже тут как тут.

Прилетит, обнадёжит,
сядет мне на плечо.
С ними вместе, быть может,
прокантуюсь ещё.

2004

Х Х Х

Запах пота и кожи.
Запах кожи и пота.
Раздевалки похожи
на бегемота.

Освежёвана туша.
Состоялось закланье.
Выходить из-под душа
нету желанья.

Там газетчиков свора
с кистенём поджидает.
Капитан от позора
слёзы глотает.

От горстей валидола
не становится лучше.
После пятого гола
тренер в отключке.

Ни на что не похоже.
Сердце рвётся на части.
Запах пота и кожи
с привкусом счастья.

2004

Х Х Х

На расчёске играю,
на соседей плюю,
и кого - я не знаю,
только знаю - люблю.

Я морщины рагладил.
Я оставил нитьё.
Но Антонов заладил
в сотый раз про своё.

И по лестнице этой,
где не то, что перил, -
нет ступенек - кометой
я лечу, как debil.

И ушибы и шишки,
что твои ордена,
для седого мальчишки
не жалеет она.

И горю и сгораю,
о пощаде молю.
На расчёске играю,
на соседей плюю.

2004

Игорь Бобырев Стихотворения

Завет

Как расти под деревьями?
- мирно.

Как идти под деревьями?
- ровно.

Как заснуть под деревьями?
- тихо.

Как же жить под деревьями?
- вечно.

Жизнь

Говорить научиться
как камни.

Плакать научиться
как камни.

Умирать научиться
как камни.

* * *

И.К.
Всё проходит - и я.
Опавшие листья
на дороге.

* * *

Вот и я -
своё отраженье
в зеркале встретил.

* * *

Аромат хризантем
от страницы указа
микадо.

* * *

Тише, все тише
песня кукушки.
Летний луг.

* * *

Ах, не кричи
Умер твой друг.
Соловей.

* * *

Вот летит листок.
Другой спешит, его обгоняя,
над могильным холмом.

* * *

И.К.
Кто ниже, кто выше.
А ты будь собой -
держись середины.

* * *

Тихо-тихо
порхает бабочка
вкруг столетней сосны.

* * *

Вот один, а там другой
мерцает в темноте
светлячок.

* * *

Перед телевизором
вечер встречаю
с тенью вдвоем.

* * *

Где ночь, где день?
Мгновенье

заката.

Млечный путь

Всё подходит
к концу,
даже эта дорога.

* * *

Вот она,
Страна восходящего Солнца!
Хризантемы в моем саду.

* * *

Не оказалось никого,
кто увидел бы,
как упала звезда.

На смерть Федерико Гарсиа Лорки

О грусть!
Оборвалась песня
внезапно.

* * *

Смерть
на краешке одеяла
Рыжие бабочки

* * *

Ни меня,
ни его.
Опавшие листья.

* * *

Страница тетради
аистом стала.
Оригами.

* * *

Крики совы.
Сию в одиночестве.
Холодная ночь.

* * *

Илье Кригеру
Летний полдень.
С тенью своей

в прятки играю.

* * *

В тени прилет.
Ветер
крылья мельницы вертит.

* * *

И.К.
Разве похожи
друг на друга
рыжие бабочки?

* * *

Полдень.
Воробьи купаются в пыли.
Раскат грома.

Смерть

Время окончило ход.
По крайней мере
для единицы.

* * *

Всё возвращается -
Даже стрелки часов
На прежнее место вернулись.

* * *

наверное, морем
тебе, муравей,
кажется придорожная лужа.

Буквы

на белой бумаге
сто муравьев
сочетание буквы

Буквы

На белой бумаге
Муравьи.
Ряды букв

* * *

муравьиная кожа

в улыбке змеи
красная дыня

читая стихи Д.Д. Моррисона

Слова
на бумаге.
А песня слышна!

читая стихи Д.Д. Моррисона

Моррисон на бумаге -
как странно
а песня слышна

* * *

Свершилось -
произнес Бог,
став человеком.

* * *

Натуральная смерть
Результат времени

Время

из комнаты в комнату
ты проходишь мимо

из комнаты в комнату
идешь по подъезду

из комнаты в комнату
выносятся кресла

из комнаты в комнату
проходишь по лестнице

из комнаты в комнату
смотришь в окно

из комнаты в комнату
целуются мальчики

из комнаты в комнату
собака на коврик

из комнаты в комнату
продолжение
комнаты

дмитри и зинаида стихотворения

рефлексия

Я стою,
прищулив левый глаз, -
(портится зрение),
в руках моих
мысли смеются, -
(угрызение совести)
Я причесываю их любя, -
(привычка),
а напротив
собеседник
в роговой оправе
отражение
мое протирает
(а может, стирает)
жирной салфеткой, -
(рефлекс).

6 июня 2003

* * *

заскрипел июнь
на зубах соринкой
и мой процесс преобразования
яблока в огрызок
затянулся

17 июня 2004

* * *

я наблюдал
как падая с ветки
гнилые яблоки
отбивали бока

6 марта 2004

* * *

я хотел поймать момент
когда осень уйдет
за невидимый порог
и зафиксировать его
на сетчатке глаза
но вспотела ладошка
помялась бумажка
дернулась щека
я не удержался
и сделался грустным

19 ноября 2003

* * *

в уголке губ
крошка засохшей слюны
вокруг всё то же:
запах пижам
и от пилюль веет детством
хочется чихнуть
будто спросонья
все невесомо
и кажется
что всё понарошку

20 ноября 2003

Осень

сухих листьев
скелетики
под ногами
хрустят
и некоторые люди
билетики
на трамваи
едят
счастливые

октябрь-ноябрь 2004

* * *

однажды
когда я
всё нипочем
ты куда-то

6 июля 2004

Диалог (№9)

- .
- ?
- !
- .

27 февраля 2005

* * *

идет легко
в легкие вдыхая
и рядом
смеясь
в маленьком черном платье
тоже идет
но шаги поменьше

февраль 2005

* * *

когда солнце
смущённое моим присутствием
выглянуло краснея
уже было светло
потому что
пролитые вчера вечером чернила
я вытер тряпкой

июль 2004

Моцион

на выкрашенной скамье
просьба не садиться
на расстоянии вытянутой руки
подобие осени
я молчу
и хочу
обернуться
я как и вчера
врезаюсь в обстановку
в роли наблюдателя

8 июля 2004

Твари

мы - пара Ноя

4 сентября 2004

104

Ирина Долгова

(Рига)

Tres partes
Шапное

С яблоками – и на Волхонке!.. По Остоженке – со стогами сена!..

– «Хам» – обзывается Лёля, – материя называлась «хам», – извиняется с томом Владимира Даля, – хамовники были ткачи.

– Они измеряли косой или косовой саженью, – вторю с толковым словарём, – говорили «косяк» об отрезе ткани.

– Была мера от конца большого пальца вытянутой ноги человека до конца указательного пальца поднятой руки противной стороны (местами, той же).

– Накось, около трёх аршин.

– Аршин – татарская погонная мера.

– Четыре четверти (пяди), по четыре вершка (верха пальца); треть сажени; длина всей руки от плеча; вольный шаг человека; 2 и 1/3 русского или английского фута; 0,711 метра.

– Значит: какой человек – такая и мера? – пристаёт мальчик к матери на соседней скамье, – купи и мне эту книгу, – упрашивает её.

– Потом, – обещает та. – Арба гремит где-то!.. – отвлекает сына. – Повозка, телега различной постройки у народов турецкого и татарского племени.

– Да, народы эти никогда не смазывают осей, говоря: «не воры едут, таиться нечего».

– Это не тележный след, арбиный – отличают они.

– В народе говорят, арбой поёт, скрипит как арба.

Так проступает Арбат – страдный и ратный путь, как ни на какой улице. Видится дорога русских войск, возвращавшихся с Бородинского поля. Раненых опускали на солому на обочинах мостовой улицы и площади, откуда разбирали их по домам москвичи – на жизнь или смерть.

«И пулею с плеча стрелка случайного погашена свеча, свеча венчальная» – пишет Андрей Вознесенский. Поэт пишет о вечных именах толстовских героев, Наташе и Андрее. Представляет наших современников в вальсовом такте. Смещает времена, рифмует старые и новые слова: «Гусары пили джин, но не имели джинс».

Мечи и шапки 17-ого и 16-ого века рождают иные картинки. Возникает древнее Замоскворечье с чащами и топиями Золотоглавый белокаменный Донской монастырь и злато-белёсый до серебристой седины Данилов монастырь рисуется на линии Серпуховского вала.

105

Мнится Крымский вал. В приделе реки белеет Симонов пост, выступает Новоспасский и Спасо-Андроньев оплот против врагов-кочевников. Воображается царское Коломенское

На западном направлении возводится Новодевичья обитель. По дороге на Смоленск и Литву строятся стрелецкие приказы в земляном городе. За белыми стенами не дремлют старые монастыри северного кольца защиты Кремля и Китай-города.

Два века монгольского ига позади. Лишь улица Большая Ордынка напоминает об ужасной поре и кровавой стезе. К кремлёвской стене идёт прямая дорога с юга. Поэтический оборот речи имеет исторический смысл. Меткий поэт заслуживает похвалы за мастерский прицел.

«Нам ясен долгий путь! – пишет он в стихотворном цикле «На поле Куликовом» – Наш путь – стрелой татарской древней воли/ Пронзил нам грудь» Стрелы и рубища 14-ого столетия требуют от него ясных ассоциаций в гуще немеркнувших событий. «В степном дыму блеснёт святое знамя/ И ханской сабли сталь...» – называет Блок врага и соратника

Поэт видит поле, заросшее степными травами, окруженное непроходимыми лесами. Смотрит на дикое поле, лежащее на татарском пути на Русь. Знает, что оно находится русскими воинами для битвы на самом краю земель Московского государства.

Читает древний текст о часах битвы. Считает от восхода солнца. «Третий значит восьмой» – полагает Александр Александрович. «Крепко бились не только оружием, но и убивали друг друга врукопашную, умирали под конскими копытами, задыхались от великой тесноты, ибо невозможно было им уместиться на Куликовом поле, тесное ведь место между Доном и Непрядвою...»

«Пора!» – решает Владимир Серпуховской во главе сорокатысячного засадного полка, хоронившегося на опушке Зелёной Дубравы.

«Вот и восьмой час от восхода солнца...» – следит Блок за героем славного времени. Слышит, как «закричал Вольнец громким голосом князю Владимиру: «Час пришел, время приблизилось!»

И одновременно выехали русские из дубравы, точно выдержанные соколы, ударили на многие стада гусиные».

Орда дрогнула, рать полегла полем. «И лежали трупы мертвых по обе стороны реки Непрядвы, где нельзя было пройти русским полкам». Они спасли Русь до ночи – остались во сне... «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали/ Не вернуться, не взглянуть назад» – остаётся слово поэта.

«Таким событиям суждено возвращение, – полагает он. – Разгадка их ещё впереди».

Александр Блок слышит гул символического события через века, поля и реки. «За Непрядвой лебеди кричали, / И опять, опять они кричат...» – слышит он, как века назад, в южной стороне своего отечества.

Золотая река русской дани течёт с севера. Бледная ворожея тасует бумажную колоду в свете луны. Белые карты скользят по её смуглым коленям в атласной юбке – рассыпаются на пятнистом асфальте под резными деревьями.

– Не бойся, – роняет женщина мне, – не для тебя слова мои, – сгребает кленовые листья со знаками, – но будешь плакать и ты, – исчезает в тенях листвы.

Лёля трясёт листья. Лена рвёт карты. Цыганка бежит в серебряном звоне мелких монист. Её зыбкое тело сливается с чёрной ночью за окном московской квартиры. Мы спим на тётинном раскладном диване: я – посередине, тётки – по краям.

– Дать тебе!.. – Мне?.. – Не отведи глаз – прими!.. – О чем ты?.. – Спаси!.. Прости в светлом часе!..

Степная кобылица вздымается в блеске зарницы. Карий глаз обжигает. Пена рвётся с оскала. Теряются удила.

Седок клонится набок. Гибко сползает. Простирается на равнине. Тёмные волосы спутываются в млечной траве. Нежные скулы бледнеют в облачной мгле. Глаза не открыты. Губы горят, змеятся от боли, не шепчут ни чьё имя. Худой мускул вздрагивает. Цепкая рука тянет тонкий край фаты склонённой над ним княжны.

Девушка плачет. Нежной фатой обвивает чёрную рану. Тащит убитого к реке. «Не дышит?..» – припадает к горячему телу на хладной земле. «Не стонет!..» – принимает жар смутной души за

родное дыхание.

Заря ширится небом над полем, отражается в текучей воде. «Не глянет, как моет рубашку, как рвёт исподнее белой лентою?..» – мнит в алом тумане.

Ловко обвязывает, поит с ладони, целует в глаза:

– Взгляни!.. – молит Бога и странника.

Смытое полотно плывёт от пологого берега. Несёт пустую весть средь белого дня. Беглой тенью будит тихий дом.

– О чём речь твоя непонятная?.. – пытается князь юркого гонца. – Собаками гнать дерзкого, что поганого!.. – велит верной страже с высокого крыльца.

Лай нем.

«Сон – лишь след», – утешает отец милую дочь. «Без следа, – горюет бедная дочь, – точно облако».

Эрик Ми

полосы от самолета улетаю слишком поздно возвращаясь слишком рано часовые пояса
минус ноль – и всё на месте

=====
полосы от самолета
людилюдинетпрохода
в здании аэропорта
всё пропало=потерялось
ноль в названии билета

=====
полосы от самолета
гдемыгдеявертикально
удаление всех писем
всё пропало=потерялось
ноль входящих сообщений

=====
полосы от самолета
БожеБожекакмнескучно
игры в поддавки на деньги
всё пропало=потерялось
ноль историй о поездках

=====
полосы от самолета
белымчернымнарисуешь
телефонный номер слева
всё пропало=потерялось
ноль перед последней цифрой

=====
полосы от самолета
пойкричитомнезадело
меньше часа до земли
я пропала=потерялась
ноль итог всего полета

=====
полосы от самолета улыбаясь солнцу после возвращения с рассветом часовые пояса
плюс нули – и всё на месте

Михаил Богатырёв

Светлой памяти художника А. С. Путова посвящаю

эти строки...

~~Творчество художника... страницы текста + иллюстрации~~

Вот и не стало Саши Путова... Унесла его река времён.

Художник Александр Путов жил сплошной жизнью сердца, тонко, слёзно и безошибочно чувствовал трагические узлы-сплетения творчества и бытия. Он соперничал талантливым молодым бездомцам, всегда поддерживал их советом, а зачастую и материально. Под его крылом отогревались художники Батусов и Молев, музыканты Арчугов и Давшан... Хорошо помню, как он кормил меня греческими сэндвичами в Монтроне... А однажды (дело было в сквате возле Троицкой церкви) безо всякого сожаления располовинил свой запас красок, стоило мне лишь заикнуться о том, что у меня кончились материалы... Саша обладал несомненным даром притягивать к себе заблудившихся фантазёров, искателей и недотёп; он радовался как ребёнок, когда встречал в окружающих биение мысли, движение к подлинности.

Один из друзей художника, Константин Семенов, пишет (цитирую по сетевой публикации): «Творчество Путова дорого не лычками известности. Его имя – во всемирной энциклопедии художников, но не это убеждает в том, что Александр Сергеевич Путов, 1940 года рождения, выпускник вечернего отделения Московского Архитектурного института, и другие подробности биографии, большой художник. Рисунки... В них вся его боль. Сострадающая душа, выплакавшись, очищается, освящается слезами. Особенно внутренними, невидимыми... Плакать можно мелодией, стихом. Или линией рисунка...»

А вот ещё одно короткое свидетельство, найденное в сети: «В 1965-66 гг. Саша Путов уже создавал сложные композиции, центром которых была личность, страдающая от духовного гнёта. Многие Сашины рисунки изображали покалеченные системой души («глухие души», «хромые души», «слепые души» как в «Драконе» Е. Шварца). Гротескный мир, представавший на этих рисунках, был скорее отталкивающим, чем прекрасным...»

В 80-ые годы Александр Путов эмигрировал в Израиль, затем оказался во Франции. Здесь с ним произошла таинственная и мистическая история, в корне изменившая его судьбу...

В Париже он присоединился к группе бродячих артистов-клошаров, которые жили в помещении заброшенной фабрики. Один из его соседей на протяжении двух лет изготавливал из

найденных на улице тряпок пятиметровую фигуру лошади. Другой прибывал гвоздями к доскам птичьих остовы... Однажды соседи разъехались-разбрелись кто куда, и Саша остался на фабрике ночью совсем один. Лежа в тёмном и неотопляемом закутке, он с особенной остротой и отчётливостью переживал заброшенность человеческого существа, собственную инаковость и некоммуникабельность (отметим в скобках, что по-французски он не говорил, и вообще «языками» не владел никакими, кроме русского и живописного). Вот тут-то его и посетило неодолимое желание испытать судьбу. Какое-то время Саша сопротивлялся нахлынувшему на него искушению, но кольцо одиночества сжималось так беспощадно... что он не выдержал, вскочил, живо вскарабкался под самую крышу и, балансируя раскинутыми как крылья руками, побежал по тонкой поперечной балке, пересекавшей в высоте огромный прямоугольник цеха. Внизу покачивались смутно различимые остовы станков и скульптуры в стиле «арт-клош». На полпути Саша Путов оступился (а в этих словах уже скорбно высветился штрих-пунктир наивно-тавтологической этимологии: Путов – путы – путь...) и... рухнул вниз, примерно с высоты третьего этажа. Очнулся. Живой. Голова цела. Однако сам превратился в улитку, в оползень, когда – пядь за пядью – преодолевал (со сломанными ногами!) расстояние до знакомого закутка. Прошло несколько дней, а соседи всё не возвращались... Ноги распухли. Горячка. Бред.

Ну, а дальше всё случилось как по мановению волшебной палочки. На фабрику из любопытства заглянула Сильвия. По счастливой случайности эта француженка понимала русскую речь. Кроме того, произошло нечто уж совершенно невероятное: она сумела разглядеть в этом заросшем, одичавшем и больном клошаре-иностранце и благородную душу, и высокие помыслы, и невероятный накал идеализма. Сильвия перевезла Сашу к себе, выходила, вынынчила его, стала его женой и соратницей на долгие годы. В приливе сил, нежности и ответственности Саша написал за короткий период тысячи картин. Некий коллекционер предложил ему обменять все эти работы на дом в пригороде Парижа. Так, можно сказать, в результате своего падения со стропил, Александр Путов стал и добрым семьянином, и домовладельцем...

...Мы познакомились с ним в 1994-ом году, а уж разговорились по душам и сблизились в 95-ом, после размолвки на концерте в джаз-клубе в Марэ. Дело было так. Мы готовились выступать дуэтом: я и поэтесса ИКАР (она же Кароль К.). По замыслу наша предметно-шумовая импровизация была направлена на то, чтобы осмыслить и обыграть моменты ТИШИНЫ. Однако за секунду до начала в клуб ворвался (свалился как снег на голову!) Саша Путов, с которым до того мы как-то мельком встречались у Хвостенко. Белобородый, похожий на деда Мороза, он застрял в дверях, пытаясь протиснуться вместе с переносной ударной установкой и, можно сказать, устроил целое шоу. Поскольку вместе мы не репетировали, Саша, по-видимому, чувствовал себя несколько не в своей тарелке (в обрамлении перкуссий эта идиома приобретает дополнительные оттенки), поэтому он, словно бы предупреждая саму мысль об отклонении его кандидатуры как музыканта, вышел на сцену с независимым видом и спросил меня: «Так, ну, что играть-то будем?». Я ответил: «Саша, а сможешь ли ты исполнить музыку тишины?». Александр опешил, решил, что столкнулся с отказом, причём в издевательской форме (хотя я ничего такого не имел в виду), глаза его тут же наполнились слезами. Когда я понял, что передо мной стоит совершеннейший ребёнок, дитя, облачённое в тело пожилого человека, я испугался и принялся поспешно разъяснять ему программу, концепцию, ссылаться на Дж. Кейджа, утешать... «А-а, вот ты в каком смысле», – всё повторял Саша, расставляя барабаны и упорно глядя в пол. Вот такая вышла коллизия чистосердечного восприятия. Потом он, конечно, сыграл великолепно и я даже посвятил ему стихотворение. Вот оно.

МУЗЫКА. САША ПУТОВ

зеленая музыка, сонная музыка,
музыка, музыка
музыка... вдруг
твист шибанул с подоконника
под
незаконченный ак-
компанемент в стиле groove !
...даже шрапнель

отвернулась и завизжала,
показывая, что не в силах лететь
туда, где свист с потолка
свисает как жало,
свешивается борода ямщика
как попало,
и бесчинствует плеть

Музыку «zouk» с бильярдом попутали.
Шар костяной шибанул в потолок.
В комнату тихо вошел Саша Путов.
Потоптался и лег.

Помню, приехал к Путову в гости, в парижское предместье Гонез. Признаться, я был тогда не в самой лучшей форме, всё стремился сплавить свои проблемы в психиатрическое ведомство. Я слабо контролировал себя, зато повсюду искал – и находил – устрашающую символику и скрытые смыслы. Стали смотреть работы, в основном живопись маслом. Саша перебирал свои картины, сотни холстов, словно бы нащупывая некую путеводную нить в безостановочном наплыве образов. Попутно он философствовал, потом пересказывал на свой лад какой-то сюжет, то ли из Джека Лондона, то ли из Стивенсона, про человека, который связан, не может пошевелиться. Живут и двигаются лишь глаза.

Годами позже на сходную тему, но в диаметрально противоположном направлении, фантазировал Толстый: следует, мол, одними глазами показать миру, что ты художник... И не нужно никаких работ, не нужно этой многотонной громады внешнего пластического продукта. Общаемся с миром именно так, как парализованный композитор Шнитке общался со своей женой: сокращая мышцы глазного века... Сейчас, записывая эти строки, я недоумеваю: да зачем же это надо, что это за выморочная идеализация физического ущерба? А вот тогда, десять лет назад, слушая старших товарищей, я проникался надеждой: а вдруг это – последнее слово в искусстве... последнее слово искусства? Так сказать, через тернии к звёздам.

Саше Путову нравились мои психоделические новеллы, по-видимому, его вообще вдохновляла тематика экстаза, паталогических пульсаций, выхода за пределы личности. Он охотно проиллюстрировал мой рассказ «Случай на овощном комбинате» и книжку «Волонтёры», в которой изменённые состояния сознания описаны как бы «изнутри» самого субъекта повествования...

И кто же мог предположить, что по прошествии ряда лет судьба втиснет и самого художника в неумолимые и жестокие рамки нейродегенеративного заболевания, сопровождавшегося разрушением и гибелью нейронов, снижением мотивации, хронической депрессией... Мне становится и больно, и страшно от одного перечисления симптомов «дрожательного паралича», более известного как болезнь Паркинсона (чего стоит одно только это: «мелкий тремор, напоминающий катание пилюль»...), но каково же было Саше, который не во сне, не в угаре ёрнического «патафизического» эстетизма, но совершенно въяве переживал такие страдания?

Увы, в последние годы я как-то потерял Александра Путова из виду, вот и о болезни его знаю лишь понаслышке. В памяти сохранился его светлый образ: друга, наставника, неутомимого искателя. И вовсе не хочется делать акцент на муках, тем более, что там, где он пребывает сейчас, я уверен, нет ни скорбей, ни страданий. Да пребудет в упокоении душа его!

